

Виталий Владимирович Сертаков
Даг из клана Топоров
Серия «Даг», книга 1

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182260
Даг из клана Топоров / В. Сертаков: Астрель-СПб; СПб; 2008
ISBN 978-5-9725-1306-2

Аннотация

Суровый мир древних викингов не терпит чужих. Маленькому Дагу повезло. Его не убили. И не сделали рабом. Его усыновил богатый свейский кузнец Олав Северянин. Дагу из клана Топоров не суждено стать кузнецом. В семь лет он уже знает, что станет воином. Херсиром-вождем.

Содержание

Часть первая	4
Глава первая	4
Глава вторая	10
Глава третья	14
Глава четвертая	19
Глава пятая	23
Глава шестая	27
Глава седьмая	32
Глава восьмая	36
Глава девятая	41
Глава десятая	48
Глава одиннадцатая	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Виталий Сертаков

Даг из клана Топоров

Часть первая

МАЛЫШ С ВОЛЧЬЕЙ МЕЖОЙ

«...Удивительная история найденных Дата из клана Топоров, ставшего викингом и соратником многих великих кесарей, обнаружена нами в неизвестной доселе части саги „Родословия датских конунгов“. Часть сия была записана Снорри Стурлусоном верхними рунами, переведена на латынь Адамом Бременским, но не допущена к свободному изданию. Занимательные упоминания также найдены в „Англосаксонских хрониках“ монаха Осберна, датированных 1023 г. от Р.Х., однако они также не попали в собрание сочинений по личному указанию курфюрста...»

Глава первая

В которой херсир Свейн собирается поужинать олениной, находит в море ребенка и наживает кучу неприятностей

– Поднять руль! Табань левым бортом! – зычно выкрикнул Свейн по кличке Волчья Пасть.

Пришло время обеда. Двенадцать гребцов на левом борту послушно навалились грудью на тяжелые рукояти, сминая ход корабля. Весла прогнулись навстречу кривой волне, белый бык на носу флагманского драккара нацелился на берег. Загудели натянутые ванты.

– Правый борт – суши весла! – рявкнул Свейн, кося глазом на бронзовый флюгер. Флюгер устойчиво показывал на юг. Штандарт херсира сражался с яростным севериком: – Гей, спустить парус, крепи снасть!

Кормчий навалился на румпель, дубовый блок заскрипел, накручивая канат. До того как киль царапнул по песку, рулевое весло успело выпрыгнуть из волн. Двенадцать весел правого борта нацелились в небо.

– Спустить якоря! Спустить якоря... – пронеслось над шумом прибоя. – Свободная вахта, выставить часовых! Обед готовить! Обед...

Зазвенели якорные цепи, на ремнях в воду спустили шлюпки, побросали туда котлы и кухонную утварь. Скинув одежду, бородатые загорелые гребцы попрыгали в мутный прибой, подхватили канаты, уперлись пятками в илистое дно...

Шесть кнорров, принадлежащих торговому фелагу «Белого быка», застыли у безымянного мыса, на самом краю земли саксов. Позади остались деревни неприветливой литвы, рыбацкие городища чуди и вендов, возле которых причаливать было тоже небезопасно. Впереди, на западе, шумели леса кейсара Отто, но в его окраинных маркграфствах хозяйничали все кому не лень. Поэтому Свейн, прежде чем сойти на берег, трижды глубоко втянул в себя воздух, угадывая дым вражеских костров.

На далеких хмурых холмах гостили тучи. Вдоль занесенного водорослями пляжа виднелись следы пепелищ. Расцветал месяц жатвы, южные воды Бельта всю отдавали накопленное тепло, косяки жирной сельди искрились на глубине. Пока раскладывали сухое дерево

под котлами, Свейн Волчья Пасть стоял на корме и хмуρο вглядывался в туман. Совершив немало ратных подвигов во славу Тора, молодой херсир уже третий год как занимался мирной торговлей. И на сей раз, благодаря богам, караван возвращался с большой выгодой. В Хазарском море оптом продали рабынь, моржовый бивень и куницу, взяли легкий, но немислимо дорогой китайский шелк, а еще ковры из Хорезма и приправы для мяса в плотно забитых пробками горшках.

Херсир был доволен. Вонючие горшочки с написанными на них странными названиями – корица, куркума, мускат – такие маленькие, но принесут сотню марок серебра!

– Сегодня последний раз обедаем на суше, – Свейн кивком разрешил разводить костры. – При попутном ветре утром достигнем Рюгена и возьмем севернее, курсом на устье Шлая.

– Ты хочешь продать ковры в Хедебю? – спросил кормчий Ульме Лишний Зуб. Втайне он надеялся, что хозяин изменит планы, и им не придется тащиться против течения по реке Шлай до главной торговой крепости данов. Кормчий мечтал поскорее оказаться в Свеаланде, в родной усадьбе на озере Ветерн. Однако вслух никто не рискнул бы спорить с хозяином, снискавшим славу лучшего бойца Бирки.

– Мы сбросим в Хедебю тяжести, – хитро подмигнул Свейн. – А самое дорогое, усладу женщин, я отвезу на север, в норвежские фюльки. Э-ге-ге, смотри-ка!..

Гораздо мористее, в три румба к ветру, скользил длинный желтый корабль с оленьей головой на мачте. Помимо привычного квадратного паруса, на носу трепетал косой стаксель, разрисованный незнакомыми рунами.

– Похоже, эсты! – Лишний Зуб сплюнул за борт. Свейн на всякий случай натянул свой знаменитый шлем, принесший его хозяину столь горделивое прозвище. Поверх железного острия, перенятого местными модниками от киевских рубак, на шлем была насажена голова крупного волка с распахнутой пастью, а в глаза зверя искусный мастер вставил куски «солнечного камня».

– Ага, гляди, эти трусы удирают, – захохотали торговцы, сами вчерашние викинги. – Они никогда не нападают без преимущества хотя бы втрое! Ну что, Свейн, ты попотчуеть нас своей золотой оленихой?

С этой оленихой получилась смешная история. На самом деле золотыми у хромоножки были только рога. Волчья Пасть прикупил пугливую большеглазую матку у словенов на обратном пути, когда суда уже протащили по поволоке между Днепром и Ловатью. Какие-то дремучие мужики собирались резать хромоножку потому, что она свернула копыто, а тащить ее до жертвенного дуба им было лень. А кто-то еще посмеялся, выкрасил рожки под золото. Свейн купил олениху за смешную цену – снял с шейной гривны пять серебряных монеток с профилем византийского кесаря. Слуги затолкали робкую олениху под палубу драккара, вместе с гогочущими гусями и кроликами.

– Вот уж точно! Полакомимся свежим мясом! – Свейн набрал в грудь побольше воздуха, чтобы отдать команду своим людям, но так и застыл с открытым ртом. – Это еще что? – спросил он.

– Что там? Что такое? – Руки дружинников привычно потянулись к оружию. Они хоть и возвращались с мирного промысла, но в любой миг были готовы вступить в бой.

– Да вон там, – глава купеческого фелага уверенно ткнул пальцем в пенную круговерть. – Похоже на щит... Клянись веслом Ньерда, там ребенок! Эй, вы, а ну, не трогайте олениху! Лодку туда, живо! Хочу посмотреть!

– Добрый ли это знак? – спрашивали матросы у старого Бьерна, который слыл в экипаже удачливым предсказателем. Но седой Бьерн только хмурился и чесал в бороде.

– Смотрите, он так ухватился за щит, что пальцы не разжать, – Свейн с изумлением обнаружил, что ребенок жив, хотя горькая вода порой захлестывала его с головой. На крошечном

посиневшем тельце кровоточили следы от птичьих клювов. Двое гребцов поднялись в лодке, через планшир передали находку вождю:

– Хозяин, его уже жрали чайки.

– Это мальчишка, на нем обрывки тряпок!

– Ему не больше года, самое время сосать мамку, а он даже не пищит!

– Свейн, зачем он тебе? – тихо спросил старый Бьерн, когда малыша вместе со щитом подняли на палубу. – Раз его швырнули в море, значит, он был лишним ртом. К тому же это не свей, он не из финнов и точно не из норвежцев. Смотри, кожа темная и волосы темные! А глаза, как у настоящего волчонка!

– Но он не похож: и на венда...

– Действительно, почему он не орет? – вслух задумался херсир. – Тебе не кажется, Бьерн, что это удивительное знамение? Вдруг это сам Один подает мне добрый знак, посылая этого голыша? Ведь он должен был давно утонуть...

– Отец Павших часто посылает знаки своим верным воинам, – важно кивнул Бьерн.

– Похоже, его тащило волнами пару дней, – предположил один из матросов. – Он совсем ослаб, но не разжал рук, вот так чудо!

– У него всего четыре зуба, – авторитетно заявил кормчий «Белого быка». – Хозяин, если ты хочешь вырастить из него хорошего раба, ему надо найти кормящую женщину. Или он скоро сдохнет, он весь почернел...

– Эй, Свейн, посмотри, что у него на темечке!

– Клянусь морским дьяволом, похоже на волчью лапу, – крикнул старый Бьерн. – Волосенки не растут на самой макушке!

– Смотрите, у него на шее коготь...

– Чей это коготь? Уж точно не волк и не медведь...

– Чародей? Посланец бездны?..

– Там что-то написано. Эй, Ульме, ты один умеешь читать.

– Я не понимаю, это не руны, – смутился Лишний Зуб. – А коготь... Сдается мне, когда-то я видел похожий на шее одного трелли, он был из Смоленска. Говорят, что в Гардаре раньше водились такие твари. Наполовину птицы, наполовину зеленые ящеры. Словены называли их горынами... кажется, их давно перебили.

Свейн задумчиво разглядывал кожаный шнурок с когтем, дважды обернувший тощую шейку ребенка. Стоило протянуть мальчику палец, как тот крепко схватил его и потащил в рот.

– Бьерн, когда я держался за юбку матери, к нам на ферму приезжала вельва из страны саамов... Я даже помню, как ее звали, – Пиркке, вот как ее звали. Она нагадала моей сестре Хильде, что сына ей принесет брат. То есть я.

– Ну и что с того?

– Ничего. Смешно. У Хильды уже трое, и все девки. Но старуха вельва тогда крепко выпила и еще кое-что нагадала. Она сказала, что сына выкормит олениха.

– Тысяча морских дьяволов... – пробурчал старый Бьерн, пугливо отодвигаясь от дрожащего ребенка. – Так вот зачем ты купил олениху?

– Олениху я купил, чтобы ты набил свое глупое брюхо, – разозлился хозяин фелага. – Откуда я мог знать, что у нее есть молоко? Эй, парни, тащите ее сюда, может, удастся еще раз подоить?

Молоко у хромоножки осталось. К общему разочарованию, Волчья Пасть запретил резать олениху, пришлось зажарить гусей. Сам херсир сидел на корме, мочил в молоке тряпку и давал сосать ребенку. Как покормить его иначе, никто не придумал. Малыша завернули в безрукавку из овечьей шерсти. Матросы и купцы с других кнорров быстро прослы-

шали о найденыше. Многие приходили к костру в надежде поглазеть на проплешину в форме волчьего следа, на диковинный коготь, но никто не сумел прочесть непонятные письмена.

В тот месяц Жатвы самому Свейну шел двадцать пятый год, а сестра его Хильда родилась на два года раньше. Глядя в пугающе темные, неподвижные глаза ребенка, купец впервые задумался о том, что пора самому посвататься к красивой богатой девушке. У него имелся надел шириной в день пути и крепкий дом по соседству с фермой Олава Северянина, мужа Хильды. Не до старости же ходить по морям...

– Затухнуть костры, все на борт, по местам! – вскричал Свейн, когда матросы обсосали последние гусиные косточки. Херсиру все меньше нравился цвет воды у горизонта. С запада, куда им предстояло держать путь, рваными клочьями напал туман. И вместо длинной пологой волны на море заплясали пенные буруны.

– Гей, сниматься с якоря! Смена гребцов! – отозвались старшие фелаги на других кораблях. – Парус по ветру...

Но далеко отплыть им не удалось. Надежды Свейна Волчья Пасть засветло проскочить полосу туманов разбились об острый нос вражеской ладьи.

– Эсты... – выдохнул кто-то на первой банке гребцов. Сквозь сонную морось на мгновение показались три желтые точки. И тут же пропали.

– Их много? Уж точно трусы... Спрятались, как трусы, ждали, пока мы отойдем.

– Они как стая стервятников! В море не выходят, трутся подле берега!

– Эй, парень, живо наверх! – Кормчий подзатыльником отправил на мачту юного дренга.

Тот в мгновение ока взлетел по гладкому сосновому стволу и дважды свистнул. В ответ на его свист совсем близко свистнула вражеская стрела и упала далеко за кормой. Впередсмотрящий под дружный смех товарищей кубарем скатился на палубу.

– Ну что там? Сколько их? – Раздувая ноздри, херсир напряженно вглядывался в мутный горизонт. Откуда ни возьмись, налетел ветер, погнал высокую волну. Дружинники изо всех сил налегали на весла, стараясь быстрее вывести груженный кнорр на глубину.

– Пять больших кораблей, хозяин. Похожих на нашего «Белого быка», хозяин. Они разделились и сейчас пытаются нас окружить. Два корабля на веслах уходят к югу, но они вернутся...

– Они уже возвращаются, – перебил Ульме Лишний Зуб. – Они отошли, чтобы ударить в тыл.

– Это все найденыш, мальчишка... – зашептались бывшие викинги.

– Живо, свободная смена – к оружию! Спустить парус! Кормчий, держим прежний курс! – рыкнул херсир. – Хаук, бегом на корму, передай остальным, чтобы строились в линию! Ульме, сколько у них людей, как думаешь?

– Отсюда я пока не вижу, – возвращаясь к румпелю, ответил Ульме. – Я вижу только желтые точки. Но они наверняка нападут на нас.

– Уж в этом я не сомневаюсь... – зло сплюнул херсир. – Гей, Хаук, спроси у наших, сколько у них треллей на борту? Магнус, слышишь меня? Передать всем – свободной смене поднять щиты! Всем раздать копья! Они хотят прижать нас к берегу, но мы не вернемся!

Гребцы ударили веслами с удвоенной силой. Вдоль бортов взметнулись пенные фонтаны. Маленький Хаук на корме махал руками, сжимая два цветных лоскута ткани. Форинги на других кноррах легко читали этот незамысловатый язык. Повинуясь железной воле херсира, слаженный военный механизм пришел в движение. Были отодвинуты палубные доски, из трюма немедленно извлекли два сундука с запасными мечами, стрелами и объемистую вязанку копий. Торговые корабли выстроились в одну линию, точно настоящие боевые драккары. Впрочем, два узконосых скоростных корабля у Свейна имелись, но их явно не хватало, чтобы отразить серьезную атаку.

Гребцы теперь сидели по двое, свободные сменщики выстроились у планшира, прикрывая товарищей длинными щитами. «Белый бык» наращивал скорость, другие еле поспевали за ним.

– Хаук, передай на «Цаплю» – готовить веревки! Большому Аки – всех свободных людей на правый борт. Делаем как обычно. Зажмем их между бортами...

– Хочешь связать носы? – уточнил старый Бьерн. – Тогда мы лишимся маневра!

– Если не свяжем – лишимся кораблей по одному! – прокричал в ответ херсир.

Форинги на соседних кораблях выкрикивали команды. На носу каждого кнорра изготовились лучники и лучшие копьеметатели. Щиты полностью прикрыли весельные порты. Беспалый Грим на «Цапле» размеренно лупил дубинкой в кожаное брюхо барабана.

– Они уже близко!

– Следи за небом!

– Это все мальчишка... – снова прошипел кто-то. – Недобрый знак, нельзя было его подбирать!

Свейн оглянулся на своих, но увидел только напряженные плечи и опущенные вниз лохматые головы.

– Вон они, сзади! Ага, не успели!

На секунду Свейну показалось, будто на фоне серых туч промелькнуло более темное облако.

– Щиты вверх! – прокричал он.

Первая порция стрел обрушилась на палубу «Белого быка». Одного убило, двоих ранило, остальные стрелы горохом замолотили по щитам, прорвали ткань шатра, застряли в свернутом парусе. Два боевых корабля, стремившиеся незаметно напасть сзади, не успевали прижать флотилию шведов к берегу. Свейн теперь хорошо различал, как в бессильной ярости эсты трясут копьями. Зато впереди показались те, кто ждал в засаде. Они даже не торопились. Три узконосых корабля расходились веером.

– На палубе самого большого – человек сорок, – доложил сигнальщик.

– Кажется, нам пора? – тихо спросил Бьерн.

– Кормчий, право руля! – заорал херсир. – Левый борт, табань! Правый борт, разворот! Хаук, передай всем! Берем этих дурней!

В нем разгоралась слепая ярость. Ах, как любил Свейн Волчья Пасть эти минуты перед боем! Когда кровь уже кипит в венах, руки до боли сжимают секиру, но драться еще рано. Еще рано пускать в ход железо, еще можно побороться хитростью на хитрость! Он обманул их, он сумел провести этих жадных глупцов!

– Щиты сомкнуть!

С длинных желтых кораблей взлетела вторая порция стрел, но ни одна не достигла цели.

– Хорошие наконечники! – одобрительно крикнул кормчий, выдергивая из румпеля сразу три стрелы. – Мне пригодятся!

Эсты слишком поздно поняли свою ошибку. Они надеялись стать загонщиками и гнать дичь на более сильного охотника, но сами очутились в западне.

Маленькая торговая флотилия дружно развернулась и устремилась навстречу врагу.

Свейн уже видел растерянную красную физиономию здоровяка, оседлавшего деревянную морду оленя на форштевне корабля. Прямо на него неслись шесть крепких кнорров и два драккара, и на носу каждого, потрясая копьями, толпились не трусливые торговцы, а отчаянные викинги!

– Эй, вы! – закричал верзила на оленьей голове. – Собираетесь драться? Я всех вас пущу ко дну! Эй, лучше гребите к берегу! Мы возьмем свою долю, а вас отпустим!

– Ты неплохо выучил наш язык! – в ответ проорал Ульме. – Наверное, сидел в Бирке на цепи в навозной яме? Я помогу тебе туда вернуться, герой!

Дружинники грохнули. Кормчий умел развеселить экипаж: даже в самую трудную минуту.

– Сейчас ты получишь свою долю! – пообещал Свейн, протягивая руку назад. Раб моментально вложил ему в руку копье.

– Свейн, они догоняют нас сзади! – прокричал с «Цапли» Аки Большой. – Мне развернуться к ним навстречу?

– Нет, идем все вместе!

Барабан неумоимо отсчитывал удары весел. «Бык», «Цапля», «Серебряный змей» шли борт к борту, направляемые умелыми кормчими. Между кноррами едва оставалось место для работы гребцов. Свейн в последний раз обернулся назад. Его шатер устоял, хотя в распорках и коже застряло не меньше дюжины стрел.

Мальчишка тоже был цел. Никто его не посмел кинуть за борт. Свейн видел, как тот шевелит ручонками в глубине шатра, возле сундука с солнечным компасом. Над левым бортом взлетала стена соленых брызг, под палубой испуганно гоготали гуси и голосила олениха. Вражеские стрелки, в шкурах, подпоясанные мечами, столпились у борта, натянули луки. Их судно вблизи оказалось раза в полтора длиннее «Белого быка».

– Вот тебе твоя доля! – херсир сделал короткий, в три шага, разбег. Его копье молнией пронеслось над волнами, воткнулось главарю эстов в горло и вышло сзади.

Бой начался.

Глава вторая

В которой херсир Свейн дарит свободу треллям, Ульме досыта кормит рыб, а малыши смеется, когда надо плакать

– Треллей – на весла! – приказал Свейн. – Большому Аки – держаться борт в борт! Готовь крюки! Братьям – связать носы! Хакон – вперед, отвлекай их с правого борта!

Форинги хорошо знали свою работу. С одного корабля на другой полетели канаты. Весла втащили внутрь, уложили на палубе. Борта глухо стукнулись друг о друга, мгновенно превратив три пузатых кнорра в единую неприступную крепость. Опустились мачты. На более подвижных драккарах осталось по пять пар гребцов, из числа младших дренгов и рабов. Ровно столько, сколько нужно для маневра.

– Сажаешь рабов на весла? – крикнул в ухо херсиру Ульме. – Ты хозяин, тебе лучше знать. Но их теперь придется отпустить...

– Иначе нам не справиться! – Свейн взвесил в руке следующее копьё. В этот миг стрела ударила его в шлем и отскочила. Другая застряла в кольчуге. – Лучше отпустить на волю треллей, чем потерять весь товар!

– Они нагоняют сзади! – прокричал Хаук. Мальчишка снова бесстрашно взобрался на мачту и следил за противником.

С протяжным скрипом нос «Белого быка» врезался в обшивку вражеского корабля. «Цапля» Большого Аки сделала ловкий маневр, обойдя этот же корабль эстов по правому борту. Не успел враг опомниться, как оказался зажатым между двумя стенками вооруженных дьяволов. Викинги, прежде хоронившиеся за высокими бортами, разом поднялись и затаили тоскливую боевую песню. Все успели натянуть кольчуги и шлемы, в крепких ручищах засверкали секиры.

За миг до того, как это произошло, лучники старого Бьерна обменялись с врагом порцией стрел. Теперь били прямой наводкой, расстояние едва превышало десять локтей. Ни одна из сторон не несла существенных потерь. Все загородились щитами, махали мечами, но на абордаж: пока никто не решался. Свейну стало очевидно, что главарь эстов находится на одном из трех кораблей, что догоняли их сзади. Без его приказа пираты не решились атаковать. Пока эсты раздумывали, их «Олень» по инерции пролетел вперед и прочно застрял между бортами «Быка» и «Цапли». Та же участь постигла второе пиратское судно. Его плотно зажали «Змей» и «Слейпнир». В ход уже пошли крючья, затеялась рукопашная.

– Сигурд, давай, покажи им!

Под звон мечей из толпы на «Цапле» выскочил хромоногий жилистый парень с очень длинными руками. Он подхватил сразу два копья, пошевелил плечами, разминаясь, и вдруг, с невероятной силой кинулся вперед. Когда до борта «Цапли» оставался один шаг, Сигурд упал ничком и захохотал. На месте, где только что была его голова, прозвенели три стрелы.

Оба копья врезались в гущу врагов. Образовалась дыра, как минимум трое разбойников были убиты наповал. Двое извивались, насаженные на одно копьё, как на вертел.

– Вперед, ребята! – зарычал Большой Аки, до того прятанный от стрел за мачтой.

Сигурд уже подхватил следующие два копья. Лучший копьёметатель скакал по палубе с такой прытью, что ни одна стрела не могла в него попасть. И снова эсты не уловили момент, когда зазубренные наконечники пронзили двоих их товарищей.

– Вперед, очистим от них палубу! – завопил Свейн и прыгнул в образовавшийся проход.

Прыгнул он, не глядя, не слишком соображая, долетит или нет. Позже кормчий Лишний Зуб клялся, что херсир пролетел, размахивая двумя топорами, не меньше пятнадцати локтей и упал в самую гущу врагов.

– Никого не оставлять в живых! Всех – к рыбам! Боевая песня викингов разнеслась над морем. Этой песне не требовалось слов, казалось, что страшный вой исторгают сами великие асы пучины.

Свейн ударил топором наискось вниз, хрустнула кость, враг остался без ноги. Второй топор описал полукруг, разрубил чей-то щит. Волчья Пасть пригнулся, уходя от копья, швырнул тело вперед и в сторону. Ударил секирой кому-то по щиколотке, отрубил человеку пальцы, радостно заорал в ответ на проклятия...

Чей-то меч угодил ему сзади в шлем, но соскользнул, оцарапав ухо и плечо. Свейн повернулся на пятке, секира со свистом описала полукруг, вошла во что-то мягкое...

Свейн рычал и ликовал!

Большой Аки пер, как дикий вепрь, и крушил головы увесистыми дубинами. В груди и боках его торчало штук шесть стрел, но викинг не замечал боли. Там, где он прошел, оставалась тропинка из трупов и калек.

Следом за Свейном через борт скинули широкую доску. Шестеро лютых, самых сильных и опытных дренгов, рванули за херсиром. Убить их было непросто – каждый тащил на себе тяжеленную кольчугу до колен, закрытый шлем, поножи и стальные нарукавники. Этими доспехами для своих лучших бойцов Свейн разжился у саксонцев и очень их берег. Если кого-то из лютых все же убивали, Волчья Пасть приказывал снять с трупа все ценное. Обычно так не поступают, ведь викинг имеет полное право забрать свое оружие в небесную усадьбу. Но Свейн не слишком боялся мести мертвецов...

Перекувырнувшись, херсир с лязгом вогнал топор в ближайший подвернувшийся череп. Слева чья-то голая рука уже заходила на замах...

Свейн подставил второй топор. Металл врезался в металл, заточенное лезвие скользнуло по мечу и срубило нападавшему руку вместе с гардой. Схватившись за отрубленную кисть, эст отскочил в сторону и угодил под ноги своим же товарищам...

– Эй, владыка, помогай!

Жарко станет пусть китам!

Десятки глоток дружно подхватили боевой напев. В ответ эсты завопили нечто похожее на своем языке. Говор их Свейн хорошо разбирал, не раз торговал с ними и не раз дрался. Две шеренги бойцов сошлись с руганью и воплями. Через борта летели все новые мостки, викинги напирали по ним, размахивая секирами. Первые убитые и раненые попадали в воду.

Волчья Пасть без замаха врезался головой в чью-то перекошенную морду. Противник с воем отпрянул. Свейн махнул секирой, но удар пришелся в пустоту. Другой эст сплеча рубанул мечом. Свейн откинулся назад. Меч лишь слегка скользнул по кольчуге, оцарапав грудь. Херсир качнулся в обратную сторону и нанес ответный удар топором снизу. Это был один из хитрых сложных приемов, которым он научился у бьорсьерков. Стальной полумесяц врезался эсту снизу в челюсть. Обливаясь кровью, враг упал, но на его место уже спешили другие...

Большой Аки с четверкой лютых оттянул на себя половину пиратов с правого борта. Одним взмахом дубины он отшвырнул в сторону двоих, третьего схватил поперек туловища и кинул за борт. За форингом повалили по мосткам его дружинники. Эстам стало так тесно, что они даже не могли метать копья. Некоторые, понимая, что проигрывают бой, прыгали за борт и плыли к берегу. Свейн махал топорами направо и налево, вокруг него образовался широкий пустой круг. Стрела воткнулась ему в бок, застряла в кольчуге, но при каждом движении причиняла сильную боль. Улучив минуту, он отломил древко стрелы, запрыгнул на борт и быстро огляделся.

«Змей» и второй корабль эстов тихо дрейфовали в сторону, сцепившись между собой. Там вовсю шла рубка, и пока непонятно было, чья возьмет. Пираты сражались как бешеные, но их оружие было слабее. Тяжелые топоры шведов раскалывали щиты и ломали легкие мечи.

Ульме Лишний Зуб под шумок пробрался под палубу вражеского судна и уже орудовал там своим острым топором. Ему помогал старый Бьерн, двое викингов прикрывали их своими щитами. Еще минута – и в трюме желтого парусника забурилась вода!

– Всех – к рыбам! Топи их!

– Свейн, они окружают «Слейпнир»! – крикнул с мачты Хаук.

– Все назад! – заревел Свейн и быстро побежал прямо по борту. Из раненого бока лилась кровь, но херсир на такую мелочь не обращал внимания.

Ему навстречу кинулись двое. Оба рыжебородые, в круглых шлемах-шапочках, в кожаных штанах до колен. Один ударил копьем, Свейн успел отбить. Копье воткнулось в борт. Второй замахнулся широким мечом, но, пока он делал замах, Свейн обеими ногами прыгнул на древко застрявшего копья. Эст не удержал веса человека, выпустил копье из рук, покачнулся... и получил удар топором в лицо.

Свейн подпрыгнул вторично, избегая меча, не глядя, швырнул топор в пробежавшего мимо врага. Тот охнул, схватившись за топориче. Секира глубоко застряла у него в плече.

– Что, напугать хотели? – захохотал херсир, выхватывая сакс. – Хотели поживиться моими пряностями? Я вам насыплю полные глотки, чтобы треске было вкуснее!

Он развернулся, но вступить в бой со вторым рыжебородым не успел. Тот уже падал, выпучив глаза. В спине его торчало копье. Это подоспел Эбби Вепрь, человек Большого Аки. Он счастливо ухмылялся, с головы до ног забрызганный кровью. Выдернув копье из чужой спины, он с наслаждением воткнул его в глотку другому раненому.

С «Цапли» на вражеский борт прыгали все новые бойцы. Среди них херсир заметил и клейменных треллей. Сев на весла, вчерашние рабы освободились и теперь охотно включились в драку. Они подбирали оружие убитых и орудовали им не хуже, чем их недавние хозяева. Свейн знал, что делает, когда повелел отпустить на волю рабов. С ним плавали не пугливые словенские крестьяне, захваченные в лесах, а свои же – ютландцы, готландцы и еты, вчерашние воины, проданные в неволю за убийства и долги.

На окруженных кораблях уже бушевала не драка, а настоящая резня. Уцелевшие пираты сгрудились плотной толпой вокруг мачт, их ответные удары становились все слабее. Херсир спрыгнул на палубу, ступая в крови, подобрал свои секиры. Навстречу полз эст с отрубленной ногой. Херсир одним ударом добил его и пошел дальше.

– Аки, отходим! Ульме, отходим! Всех с копьями – на корму!

Тем временем вода из пробитого днища ударила фонтаном. Шведы организованно отступали на свои корабли, подобную тактику Свейн использовал не первый раз. Отбивая удары растерявшихся пиратов, они перепрыгивали на «Быка» и «Цаплю», в то время как неприятелю уже некогда было думать о грабеже.

Их корабль тонул. Многие в панике кинулись следом за отступавшими, но их моментально встретил колючий еж из длинных копий. Тем временем дружинники со «Змея» и «Слейпнира» практически очистили от людей палубу второго вражеского судна. Эстов там было человек двадцать, помочь им было некому, зато со связанных кнорров Свейна на помощь своим шведские форинги кинули половину экипажей. Вторая половина обстреливала три приближавшихся желтых корабля. На их длинных носах торчали страшные деревянные маски с разинутыми пастьми.

Но распалившихся дренгов Свейна уже ничто не могло напугать.

– Эй, на «Цапле»! Достать паклю, поджечь стрелы!

– Господин! Со «Змея» передали – палуба очищена. Пустить их ко дну?

– Тех, кто сдается, – свяжите и суньте к нам под палубу! – подобрел херсир. – Я продам этих собак в Хедебю.

– Кто купит этих ублюдков, господин?

– Если никто не купит – мы их утопим у причала, – рассудил херсир.

– Свейн, мы потеряли девятерых! У меня восемь раненых, но все готовы драться!

Херсир бегом промчался на корму. В волнах качались черные точки, это вплавь пытались добраться до берега уцелевшие разбойники. Их «Олень» погрузился в бездну. Там, где он затонул, море вскипело обломками, обрывками одежды и трупами. Зато флагманский корабль эстов был совсем близко. Лучший метальщик Сигурд, ухмыляясь, поднял очередное копьё.

– Эй, на «Слейпнире»! Связать нос с другими! – распорядился херсир. – Аки, Хакон, не подпускать их! Этых близко не подпускать!

Но внезапно... эсты отступили. Три желтых корабля с оскаленными мордами демонов на носах начали разворот.

– Что, не понравилось? – осипшим голосом проорал им Лишний Зуб.

Команды на кноррах заулюлюкали, завизжали, подняв топоры. «Серебряный змей» и «Слейпнир» развернулись. С них многие попрыгали в воду, пытаясь помочь тонущим раненым товарищам.

Радуюсь удаче, Волчья Пасть в два прыжка оказался у своего шатра. Его всего кололо. Лихорадка боя еще бушевала в жилах. Херсир отложил затупившееся оружие, жадно напился воды, смыл с себя чужую кровь. И... замер, услышав тонкий смех.

Это в углу, на шкуре, беззаботно смеялся его найденыш.

– Смотри, на него упал Бальдр... – прошептал за спиной Свейна верный кормчий Лишний Зуб.

И точно! Видимо, при ударе походная статуя радостного бога Бальдра соскочила со своего колышка и свалилась на шкуру рядом с малышом. Но не зашибла его, даже не задела.

– Хвала Бальдру, мальчишка не виноват... – воскликнул херсир. – Это добрый знак! Эй, Магнус, Хаук, а ну тащите мне олениху!

Сражение было выиграно.

Глава третья

В ней великие асы принимают жертву, малыши с волчьей меткой плачет очень вовремя, а херсир Свейн дарит сестре сына

Найденыш не погиб, хотя никто не верил, что он выживет. В последующие дни он сосал тряпку с молоком или спал, но никогда не плакал. Когда он не спал и не ел, то ползал внутри шатра. Иногда, устав ползать, он держался ручонками за свой коготь и внимательно следил за флюгером.

Спустя несколько зорь глазастые корабли вошли в туманное устье Шлая и поплыли вдоль высоких искусственных холмов, защищавших южную границу Дании. На валах трудились сотни рабов, подтаскивали землю, обтесывали сосны, вбивали в глину частокол. Другие рабы поднимали валежник на башни маяков. Косматые огни маяков пылали вдоль всего Шлая, до линии вторых заградительных валов. Навстречу «Белому быку» выскочили три быстрые лодки. Викинги перекликнулись, послали друг друга соленым словом, снова разбежались. Как видно, даны ожидали скорого нападения германцев.

Впрочем, в Хедебю царило совсем другое настроение. Этот город вечно веселился, звенел золотом и бражничал. Свейн и его напарники распродали ковры и прочие чудеса из земли халифов прямо на пристани. Из-под палубы выгнали связанных пленников, задешево уступили перекупщику. Здесь же зашли к менялам, на точных весах проверили золото и серебро, поделили с теми из команды, кто оставался в городе данов.

– Свейн, зайдем к девкам? – от имени викингов обратился к командиру кормчий. – Не отказывай парням, надо отпраздновать победу!

К радости команды, херсир не возражал.

– Один день, – объявил Свейн. – Только один день на гульбу. Завтра с восходом снимаемся и уходим на север. Кто опоздает – того не жду!

– Эй, а как быть с младенцем?

– Возьму его с собой, – под общий смех постановил херсир.

Он сам не вполне понимал, отчего так поступает. Можно было оставить ребенка в шатре, под охраной назначенных дежурных, но Свейн Волчья Пасть отчего-то решил иначе. Позже, когда его спрашивали, почему он поступил именно так, молодой хозяин фелага не мог объяснить своего странного поведения. Своих детей у него пока не было, да и любви к чужим детям суровый викинг не испытывал.

– Наверное, это подарок Бальдра, – многозначительно отвечал он. – Асы посылают спасение тем, кто верно им служит...

Вместе с ближними лютыми и кормчими херсир отправился в нижний город. После красивых высоких зданий верхнего города скопище длинных деревянных барачков выглядело не слишком празднично. Но именно здесь умели веселиться от души. Ульме Лишний Зуб тут многих знал и предложил друзьям самое лучшее место для пьянки. Он честно предупредил всех, что придется раскошелиться, но удовольствие стоит того.

Удовольствие действительно того стоило. Внутри жарко натопленного дома их окружили такие красавицы, что у изголодавшихся викингов захватило дух. Свейн опрокинул в себя полный рог пива, и девушки мигом стали еще красивее. Особенно херсиру понравилась длинноволосая черноглазая девица. Она непрерывно хихикала, ни слова не понимала по-шведски, но болтать с ней оказалось очень весело. Свейн только понял, что девушка откуда-то с далекого юга, и что у нее найдется кувшин молока для малыша. Малыш с когтем на шее понравился девушкам даже больше, чем его случайный папаша. Свейн снял с гривны три серебряных дирхема, приказал вымыть ребенка, накормить и завернуть его в чистые тряпки.

А сам завалился на скамью со своей черноглазой хохотушкой. Напротив него, на другой скамье, уже развлекался со своей девушкой Ульме Лишний Зуб. Не прошло и часа, как Свейн опорожнил пять или семь кубков пива, поменялся девушками с Ульме и еще двумя друзьями, затем повздорил с фризским купцом, который тоже хотел купить себе красавицу. За херсира вступились полупьяные дренги, но хозяину веселого дома удалось погасить потасовку с помощью городских стражников.

Спустя еще пару часов Свейн обнаружил себя лежащим под лавкой, в обнимку с голой храпящей девицей, но это была совсем не та юная волоокая красотка, которую он выбрал в подружки. Выяснилось, что, пока он спал, девушку успели продать, зато вместо нее пригнали штук пять новеньких. Свейн немножко погоревал, но, увидев, как дружно лютые принялись за визжащих девиц, сам махнул рукой и принялся за дело...

Он смутно помнил, как швырял на стол пригоршнями серебро, требовал пива и меда и жареной свинины, как голые девки хохотали в объятиях моряков. Еще хуже он помнил, как его окружили молчаливые шустрые незнакомцы с ножами. Свейн наверняка бы лишился изрядной части денег, а то и жизни... если бы не малыш.

Мальчик заорал где-то поблизости, за стенкой. Заорал удивительно сильным глубоким голосом то ли от холода, то ли требуя пищи.

– Он меня разбудил, клянусь тебе, – объяснял позже Свейн сестре. – Он спас меня, как я спас его накануне! Еще немного, и проклятые воры сняли бы с меня все золото!

Волчья Пасть вскочил, покачнулся, но устоял на ногах. Двинув плечами, скинул с себя двух воришек, настойчиво подбиравшихся к его серебру, нащупал под лавкой свою секиру, пинком поднял сонного кормчего. Воры отпрыгнули в стороны, изображая праведную обиду. Наверняка они были в сговоре с хозяином заведения, поскольку тот сделал вид, будто ничего не происходит. Ребенок орал все громче, но никому не было до него дела.

– Эй, Ульме, Аки, Эббе, ко мне! – прокричал полуголый Свейн, озираясь по сторонам. Его противники мигом пустились наутек, едва завидев, кто спешит одинокому торговцу на подмогу.

В «веселый дом» вваливались все новые компании: корабельщики, заморские торговцы, охотники и откровенные убийцы. Слуги едва успевали наполнять кубки. Полтора десятка гостей и девушек совокуплялись одновременно, лавки под ними скрипели и стонали. Вдвое больше гостей ожидали своей очереди.

– Где он? – зарычал Свейн и рванулся на поиски.

Голодного и озябшего мальчика он разыскал в темной кладовке. Кто-то опрокинул кувшин с молоком, удобную корзинку украли, а приставленная к малышу старуха дрыхла мертвецким сном. Стоило херсиру взять ребенка на руки, как тот моментально замолчал.

– Такого со мной никогда не было, – спустя неделю клялся Свейн сестре. – Я думаю, это был посланник самого О дина. Он спас меня и других...

Херсиру удалось в целости собрать свой отряд и вывести в верхний город. По пути выяснилось, что троих все же обчистили, а одного дружинника с «Цапли» сильно порезали и отняли оружие. Лишний Зуб предлагал вернуться и в отместку сжечь весь квартал. В любом другом случае херсир не стерпел бы обиды. Он уже открыл рот, готовясь издать боевой клич, но тут ребенок заворчался и снова захныкал. В глубине нижнего города раздался цокот цопыт, появилась до зубов вооруженная городская стража. Они замерли неподалеку, недвусмысленно поглядывая на пьяных полураздетых моряков.

– Некогда нам с ними возиться, – сплюнул херсир. – Есть дела поважнее! Эй, Аки, пошли кого-нибудь в мясной ряд. Мы идем к святилищу. Пусть выберут барана пожирнее!

Под утро протрезвевшая команда «Белого быка» вернулась на главную пристань. Здесь постоянно горели костры, у которых мореходы могли согреться и выпить чашку горячего бульона. Постепенно подтянулись и экипажи с других кораблей. Многие вернулись избитые

и помятые, точно побывали еще в одном сражении. Многие недосчитались вещей и денег, но никто не грустил. Викинги с хохотом обменивались впечатлениями, особенно всех смешил херсир Свейн с живым свертком на руках.

Под навесом святилища чадили массивные лампы, заправленные тюленьим жиром. Навстречу Свейну проковыляли два скрюченных тула, за ними степенно вышагивал главный жрец.

– Мы принесли барана, – Волчья Пасть опустил на колени перед жертвенной скамьей. – Еще мы принесли вам хлеб, масло, молоко и лук.

– Это хорошо, – степенно кивнул жрец и махнул помощникам.

Барана моментально распяли на скамье, грамотно вскрыли вену и удерживали до тех пор, пока кровь не покрыла все желобки в камне.

– Говори, херсир, – шепнул старый предсказатель. – Асы благоволят к тебе этой ночью. Твоя жертва принята, смотри, какой славный рисунок...

Свейн ничего не понимал в багровых разводах, покрывших скамью, но понимать и не требовалось. Это дело жрецов и тулов – толковать волю асов-покровителей. Свейн повернулся к резным деревянным столбам. Могучий Тор и прекрасный Бальдр сурово хмурили деревянные брови.

– Великий господин мой, краса земли, повелитель радости, – обратился херсир к Бальдру, – ты не оставил нас в бою, ты послал мне знак победы и позволил дважды выжить... Прибыл я из далекого южного моря, обменял девушек и кость. Обменял изрядно кож: и мехов на заморские пряности, на шелк и прочие редкие ткани... Все, что я привез, всем желаю поделиться с тобой...

Свейн обернулся, поманил старого Бьерна. Бьерн и Хаук приблизились, встали рядом на колени, высыпали перед богами все, что заранее приказал принести херсир. Здесь была малая часть добычи, но достаточная для того, чтобы жрецы могли безбедно прожить полгода.

– Продали мы удачно и купили удачно, на три тысячи динариев, и встретили богатых торговцев на южном море. За то благодарен тебе и впредь исполню волю твою...

Барана разрубили на части. Свейн пожелал, чтобы лопатка досталась гневному Тору и лучшие потроха достались тоже ему. Зато сердце и печень и большую часть прочих съедобных даров подарили Бальдру, покровителю радостей и добрых новостей...

Тулам Свейн пожаловал по смарагду и по локтевой серебряной гривне. Мальчишки убрали остатки барана со скамьи. Главный жрец поднял с пола жертвенную чашу, наполненную дымящейся кровью, принялся бить по маслянистой поверхности прутиком. При этом он затянул древний гимн восхвалений Тору, подпевать ему разрешалось только тулам. Команда «Белого быка» в молчании внимала хриплому голосу. Несколько капель крови угодили Свейну в лицо. Он не стал стирать, только благодарно зажмурился, слушая песню тулов. Тулы раскачивались, то возвышали дребезжащие голоса, то басили, благодаря мудрых повелителей.

– Спасибо тебе, мой добрый господин, – прошептал херсир. – Я имел шесть крепких кнорров, и все в целости привел в Хедебю. Я продал восемнадцать треллей, я удачно продал шкуры и бивень и прочее, чем уже поделился с тобой... Спасибо тебе, мой добрый господин. Я привез сорок два сосуда по шесть марок веса каждый с редкими травами и приправами. Я привез сукна и шелка по сотне локтей... Я привез...

Свейн еще долго перечислял, отчитываясь перед могучими асами в своих торговых победах. При этом он был скромн, но горд. Потому что он снова выжил в бою. Он сумел угодить суровым богам. Он довел торговый караван до родных берегов.

Здесь же зарезали, наконец, хромую олениху, потому что Свейн отыскал на берегу кормилицу. Женщина согласилась плыть на север и сопровождать ребенка до озера Ветерн, до самой фермы бонда Северянина.

Много позже херсир вспоминал – это было славное время, никто из конунгов Ютландии и Сконе не пускал ратную стрелу, царил мир на севере и юге...

Пришел месяц Свадеб, когда фелаги «Белого быка» вытащили драккары на сушу, укрепили на распорках и залили смолой борта до весны. Свейн на шести повозках добрался до фермы Олава Северянина. Путь его лежал до Бирки и еще дальше – в фюльки норвежцев, где за нежные ткани платили втрое. Но к старшей сестре мореход заезжал всегда.

Хильда заметила брата раньше, чем расшумелись цепные псы. Олав Северянин тоже вышел из кузницы, за ним потянулись младшие братья. Они стояли, посмеиваясь, полуголые, в кожаных фартуках. Олав любил своего родственника Свейна, состоял даже в его фелаге, владевшем пузатыми кноррами, хотя считал его большим чудачком. И в этот раз Свейн вырядился как франкский граф. Просоленные тряпки оставил на корабле, попарился в бане, постригся. Длинные волосы он скрепил налобной повязкой, бороду подровнял клинышком, нарядился сразу в две клетчатые красно-синие рубахи и в широкие кожаные штаны, стянутые тесьмой у щиколоток. Сапоги с каблуками из коровьих копыт он тоже оставил под палубой, вместо них щеголял в узких ботинках на шнуровке.

– Что там такое? – Хильда небрежно кивнула на первый сверток, хотя ей очень хотелось развернуть его поскорее. В ее жизни новости и подарки были редкостью. Уход за громадной фермой, слугами, скотиной и тремя детьми не оставлял времени на развлечения.

– Ой, какое чудо! – взвизгнула Хильда, а за ней хором стали подпрыгивать и кричать другие женщины. Трелли и свободные работники кузнеца Северянина сбегались к повозкам со всех сторон.

– Это шелк, ничего особенного, – Свейн самодовольно улыбнулся и подкрутил ус. – За этот отрез я отдал молодую трелли и моржовый бивень.

– А там что?

– Ага, там тебе еще подарочек.

Когда развернули второй сверток, воцарилась тишина. Хильда с тревогой посмотрела на мужа. Олав Северянин пожал плечами, ему было все равно. У него имелось уже двое племянников, а сыновья сестры по крови ближе собственных, это всем известно.

– Где ты его подобрал? – Хильда осторожно прикоснулась к темным жестким волосам ребенка. – Он совсем... совсем чужой. Ты убил его родителей?

– Его принесло море. Три дня его кормила олениха. А теперь кормит эта добрая женщина.

– Он какой-то странный... В море кидают немало падали. Не принес бы нам беды...

– Пока что он принес только удачу. Он спас меня от гибели. Если не веришь, спроси моего кормчего Ульме, он не станет врать. Впрочем, если он вам не нужен, я его выкину.

Дородная румяная кормилица поклонилась. Ей тоже было все равно, плату она уже получила. Жизнь ребенка, если это не сын конунга или ярла, ничего не стоит. Даже если это сын могучего бонда, такого как Олав Северянин. Только боги решают, кому жить, а кому умирать в младенчестве. Поэтому жалость и слезы – ни к чему.

– Почему он молчит? Почему он так смотрит? Он немой? Его кормила олениха?

Две старшие дочери Северянина стали дергать мать за рукав. Им очень хотелось поиграть с малышом. Приковьялял одноногий Горм со своей лирой, пощупал волчий след на макушке, многозначительно хмыкнул.

– Он кричит, когда хочет есть, – Свейн решил не напоминать сестре о пророчествах финской колдуньи. – Он настоящий воин. В море его клевали птицы, соль разъедала его раны, но он не плакал. Потом у нас была добрая битва с эстами, и мальчишка помог нам победить.

– Как такое может быть? – изумились кузнецы. – Как он мог тебе помочь?

– Он смеялся, когда мог бы плакать.

– Но такой маленький не мог смеяться...

– За него смеялся тот, кто дает счастье. Сам владыка Бальдр вселился в него!

– Ладно, я оставлю его... – Мысли Хильды были не о мальчике, а о свертке с драгоценными восточными тканями. – А что это за страшный коготь? Там какие-то письмена...

Один за другим люди с фермы стали подходить и разглядывать длинный желтый коготь. Но грамотных в обширном хозяйстве кузнеца Северянина не нашлось. Последним заглянул Путята, пожилой трелли, купленный Олавом в Хольмгарде.

– Это глаголица, – уверенно заявил Путята. – Здесь написано: «Даг из клана Топоров».

Глава четвертая

В которой найденыш знакомится с волком Каласом, слушает море и решает стать охотником

Первое, что запомнил трехлетний Даг, – огонь. Огонь был всегда.

Пламя танцует в горне, искры шумно разлетаются по ветру, иногда больно жалят щеки. Отец не боится искр, он хохочет над ними. Отца зовут Олав Северянин, он хозяин кузницы и фермы. Багровые искры плещутся вокруг его жилистых рук, вокруг его яростной улыбки, и кажется, сам могучий Водан вселяется в него!.. Кузница стоит на голом камне, дабы случайной искрой не поджечь другие дома. Чтобы добраться до ее серых стен, сложенных из тесаных валунов, нужно миновать тяжелые ворота и выйти за пределы земляного вала. Непростой путь для маленького человечка! Но часто случается так, что в путь человека толкает обида...

Если приложить ухо к утоптанной земле под порогом дома, можно расслышать, как далеко-далеко на востоке бьется о камни ледяной зверь. Это – Большой Бельт, море.

– Ты врешь, никакого моря отсюда не слышно! – упрямится старшая сестра.

– Найденыш, найденыш! – корчит рожи двоюродный брат. – Эй, слышали, найденыш ночью снова выл на луну!

– А я слышу! – Даг в который раз сжимает кулачки. – Большой Бельт рычит, как собака, и стонет, как больной дедушка!

Братьям нравится драться, но хитрый найденыш вечно кусается и царапается. Поэтому они предпочитают задевать его издалека.

– Мама, скажи ему, скажи, что море далеко! – злятся сестры. – Он не может слышать, как бьются волны! Он никогда не видел моря!

– Найденыш, глупый найденыш! – К вредным сестрам присоединяются двоюродные братья, сыновья Снорри и Гудрун. Они одинаково конопатые, с одинаковыми болячками на губах и вечно злые.

– Не трогайте малыша! – кричит Хильда. Она знает, что Бельт слишком далеко. Она отлично знает, что никто не способен услышать, как плещут ледяные валы.

Но малыш слышит многое недоступное другим. Например, он слышит, как звенят молоты над мягким *железом*. Он вытирает слезы и пускается в путь...

Хильда закрутилась по хозяйству и не заметила, как ее младший ребенок выбрался за ворота фермы. Он проскользнул между жуткими костяными стражами, которых вечно боятся старшие девочки. Конские черепа, повешенные на высокие колья, скалились малышу и тихонько подпевали северному ветру. Костяные стражи не опасны для своих, надо только вовремя прочитать оберег, посвященный кровожадным ванам.

Но Даг не боится голых конских черепов. В мире есть вещи и пострашнее. Он отважно замахивается палкой на кабанов, преградивших путь. Жирные кабанчики с недовольным хрюканьем убегают от малыша. Хотя это их законный лужок, Олав Северянин откармливает их здесь для зимних праздников.

До кузницы неблизкий путь, но во дворе от вредных братьев совсем житья нет. Даг помнит огонь, огонь добрый и теплый. И отец его не прогонит...

Даг уже видит горячий домик с пламенем в окнах, слышит веселый звон, но неожиданно на пути возникает крайне неприятное препятствие. Кузница гордо возвышается на каменном основании, за невысоким заборчиком. Там, под навесом, под охраной злобного пса-полуволка, остывают готовые плуги, серпы, косы, и самое главное – оружие...

Волка зовут Калас, он слушает только Олава, его младшего брата Снорри и иногда, если сыт, – одноногого Горма. Больше Калас никого не признает. Он лучший охранник среди прочих псов, только ему доверены готовые мечи. Самые злобные собаки не решаются даже близко подойти к ограде. Калас не лает и никогда не выдает своих намерений. Однажды он отхватил три пальца сыну соседского бонда, тот всего лишь хотел потрогать, как заточен плуг. Олаву Северянину пришлось заплатить большую виру, но волка он убивать отказался. В другой раз беда случилась во время свадьбы сестры Олава. Калас никогда не нападал на людей за оградой, он хорошо знал свой предел. Двое пьяных вышли освежиться и заблудились. Одного Калас загрыз. К счастью, этот человек оказался пришлым, за него некому было вступить на тинге. Убийство списали на дикую стаю, в ту осень они близко подбирались к ферме...

Трехлетний найденыш ничего не знал о Каласе. Он не догадался обойти длинную ограду из редких прутьев. Вместо этого он поступил так, как поступал потом множество раз, – пошел напролом.

И столкнулся с серым зверем.

Калас ему понравился. Он чем-то походил на отца, такой же большой, теплый и несуетливый. Их шерсть даже пахла одинаково.

Калас вскочил и обошел маленького человека кругом. Он никогда не лаял, он просто не умел лаять, зато умел ворчать сквозь зубы. Маленькому человеку можно было в один миг перекусить шею, но от него сильно пахло хозяином. На Даге была одежда, перешитая из старой рубахи Олава. Хильда не экономила на малыше, но справедливо считала, что младшие должны донашивать за старшими...

Волк наклоняется, разевает пасть. Даг очень близко видит черные губы и здоровенные клыки на фоне алой глотки.

– Смотри, у меня коготь! – Он гордо показывает зверю свой амулет.

Но Каласа не интересуют игрушки. Он чувствует что-то еще, помимо знакомого запаха хозяина. Что-то острое, пугающее и зовущее одновременно. Мокрым носом он тыкается в макушку мальчика и... тихонько скулит. Внезапно он видит что-то свое, что-то невероятно далекое и приятное. Настолько приятное, что волку хочется затавкать и заверещать и начать кататься по земле, как поступают глупые щенки. Но Калас давно не щенок, поэтому он просто укладывает голову на лапы и позволяет маленькому человечку себя гладить.

За этим занятием странную парочку застаёт Снорри Северянин, младший брат Олава.

Снорри негромко свистит и плавно натягивает лук. Олав бросает меха и выходит во двор. Он неторопливо приближается к волку и ребенку. Внезапно Калас приподнимается и рычит. У него очень длинная цепь, убежать от него уже невозможно. Олав с сожалением думает, что, если волк взбесился, придется его убить. Пастушьи псы на его место не годятся, они сильные, но шумные и глупые. На поясе хозяина длинный нож; Калас хорошо знает, что это такое.

– Олав, – говорит Снорри из-за забора. Он уже поднял лук и готов стрелять.

Третий брат Северянина, Сверкер, тоже здесь, поднял копье.

– Нет, – тихо отвечает кузнец. Правую руку он держит на рукояти ножа, левой поднимает ребенка.

– Что случилось с волком? – шепчет Снорри. – Его никто не смел ласкать...

Только в кузнице все начинают смеяться. Потому что в ручонке Дага зажата баранья косточка. Он стащил ее из миски Каласа.

– Это все равно что сунуть пальцы в пасть дракону! – веселятся братья.

Они всегда вместе, они добрые, сильные и смелые. Даг тоже смеется вместе с ними. Ему немножко жаль своего нового друга Каласа, тот очень грустный. Наверное, из-за цепи.

Даг думает, что неплохо было бы освободить Каласа, тогда они смогли бы вместе пойти в лес за черникой, и никто из старших мальчишек не посмел бы задира́ть его...

– Держи подкову крепче, сынок, ведь ты же хочешь стать кузнецом! – улыбается отец.

Олав тут главный. Но сегодня он раздувает меха, а его младшие братья машут громадными молотами.

– Я хочу стать охотником! – отвечает Даг, а дядья хохочут. Шипастая подкова очень тяжелая, но мальчишка старается, держит на весу теплую еще заготовку. Когда реки покроются льдом, таких особых подков понадобится много, благодаря им лошади ловко побегут рысью по прозрачным дорогам.

– Тем более ты должен быть сильным, – Олав поднимает трехлетнего Дага и усаживает на свободную дубовую колоду.

На соседней колоде, обитой железом, багровым драконьим языком светится новорожденный меч. Кузнецы нещадно лупят по нему кувалдами.

Олав приносит со двора очередную корзину, полную черной, тускло блестящей породы. По одному он осматривает куски и кидает в раскаленную печь.

– Я стану самым сильным... самым лучшим охотником, я поймаю дракона, – шепчет Даг. Рождение меча притягивает его.

Олав переглядывается с братьями:

– Иногда малыш меня пугает. Вчера он ночью снова не спал. Сидел и пел... А теперь этот волк.

– Пел? Что он пел?

– Не знаю. Вроде как собачий вой, только красиво. Вечером, когда все клинки остыли, Даг взобрался на торфяную крышу свинарника и оттуда следил за звездами. Хотя, кроме звезд, можно увидеть и услышать много чего занимательного. Вокруг отцовской фермы, посреди утоптанного луга, торчат холмики, заросшие травой. Это овчарни для взрослых барашков и ягнят, коровники, сеновалы и зерновые кладовки. Ленивые коровы забираются прямо на торфяные крыши и укладываются там, среди травы. Мальчишки их выгоняют, но коровы опять возвращаются.

С другой стороны от кузницы дымят баня и коптильня. Там на веревках развешена рыба, а под веревками бродят задумчивые собаки. Там же кладовки для капусты и репы. Между баней и загоном для коз есть ровная круглая площадка, заросшая самой густой травой. Там пасется жирный хряк, его зарежут на праздник бога Фрейра. Еще дальше, вдоль невидимой линии сумрака, вдоль подступившего елового воинства, торчат шесты с конскими черепами. Они отгоняют злых духов от фермы Олава Северянина. Голые черепа чуть слышно воют...

Как будто они тоже слышат рык Большого Бельта.

Моря Даг никогда не видел. Туда, к седой воде, каждую весну ползут с гор караваны етов. Они везут на продажу шкуры медведей, оленей и куниц, в клетках тащат диких зверей, охотничьих соколов и рабов-треллей, гонят по тракту тысячи овец. Высокими грудками колыхаются на возах шерсть, кожи и конопляные канаты. Иногда возле хутора встают на ночевку караваны, нагруженные моржовыми бивнями, тюленьим жиром в бочках и вязанками сушеной сельди. Совсем редко с дальнего запада катят сладкие телеги, их можно далеко угадать по запаху и звону диких ос. Эти везут мед, патоку и воск. Навстречу им загорелые, обветренные купцы спешат с заморскими винами, драгоценным шелком, удивительными вещами из дерева, стекла и белой глины.

Караванчики часто останавливаются возле фермы Олава Северянина. Одни хотят обновить коням подковы, другим нужны ножи, топоры, цепи и уключины. А когда наступает месяц Жатвы, на хутор с северных болот возвращаются тяжело нагруженные возы с железной

рудой. Руды должно хватить кузнецам до следующей весны, пока норвежские болота снова не оттают.

Дагу нет дела до руды и заморской торговли. Раскрыв рот, он наблюдает, как трое треллей волокут во двор лосиную тушу. Кривичи Путята и Фотий говорят непонятно, хотя живут в семье бонда Северянина уже много лет. Их привезли молодыми из земли словенов. Давно могли бы откупиться, стать свободными хусманами да дома свои поставить, но не хотят, так им, видать, удобнее. Путята малышей любит, часто мастерит для Дага и девчонок сви-стурьки, из соломы – куколок забавных и учит говорить на языке кривичей. Зато Ульме, тоже трелли, хоть и своей по рождению, но злой и шипучий. Дочки Олава шепчутся, что тинг присудил Ульме к выплате сотни унций серебра за убийство свободного, но Ульме не смог набрать нужной суммы на вергельд и был продан.

Маленький Даг все равно не боится мрачного Ульме, хотя девчонки и обзывают работника убийцей!

Даг никого не боится. С тех пор как он завел себе друга Каласа, старшие мальчишки обходят его стороной. Он не может объяснить, как и почему чувствует опасность, исходящую от людей. На хуторе нет врагов. Порой ему кажется, что враги все же есть где-то далеко, они помнят о нем и хотят его найти... Даг просыпается ночью мокрый от ужаса. Но когда тебе нет четырех лет, ты многого не можешь объяснить неповоротливым взрослым.

Враги еще далеко, но они приближаются.

Глава пятая

В которой ас плодородия Фрейр находит себе невесту, вечер начинается веселым пиром, но Сверкер Северянин делает неверный выбор

Первую серьезную неприятность Даг принес семье год спустя, в разгар месяца Заготовки Сена. На сенокосах вкалывали все мужчины и женщины, способные выйти в поле. Травы поднялись густо, и дождей выпало в меру, но Олав все равно спешил. В этом году братья Северяне прикупили десяток тельных коров, следовало запастись корма в расчете на них и будущий приплод.

...Если смотреть на поля Северянина сверху, с холмов, или с вершины старого ясеня, можно заметить много интересного. Полоски ржи с каждым годом захватывают все больше места, золотые вкрапления пшеницы уменьшаются. За ржаным разливом ровными квадратами созревают ячмень и овес. Ячмень пойдет на варку пива, и овес нужен не только лошадям. Дагу давно известно, как вкусно мама может испечь хлеб с овсом и горохом. Горячий овсяный хлеб – его любимое лакомство! Гороха в этом году тоже засеяли немало, но собирать его Даг не ходил, это – работа девчонок.

За морем колосьев, за межевой канавкой, – расстилаются поля льна и конопли. Из конопли и льна женщины давят масло и ткнут ткани, а вот капусту и репу начали сажать недавно, лет десять назад. Пока урожая небольшие, но с каждым сезоном Олав расширяет участок. Под овощи братья выделяют все новые и новые вырубki, там на свежей золе что угодно растет вдвое быстрее.

Даг любит помогать, когда жгут лес на посадки. Вначале с деревьев сдирают кору, чтобы они высохли. Затем, спустя время, валят и поджигают. Затем ждут, разравнивают пепелище, боронят новые делянки, обильно сдобренные золой. Когда братья Северяне рубят делянки из своего леса, они никого не спрашивают. Но попробуй прихватить кусок Черного Леса или Совинога Распадка – мигом соберется весь сюсл, прискачут посыльные от лагмана и сдерут такую виру, что не будешь рад никакой капусте! Ведь общая земля всегда должна оставаться общей!

Даг помогал старшим, ежедневно носил кульки с едой на поля. Взрослые ворошили плотные влажные слои трав, пока те не подсыхали. Двенадцать возов уже вывез хмурый Ульме на ферму, а косари уходили все дальше к озеру. Жены братьев и девушки-работницы плели для сеновалов крыши из камыша.

В разгар уборки сена средний брат Снорри, как было заведено между Северянами, нанял безземельных работяг на жатву ячменя и пшеницы. Следовало убрать зерновые, пока с дальних пастбищ не вернулись стада клейменных овец и коров. Рогатых коров будут встречать у озерной развилки. Даг уже знал это и предвкушал день, когда они с отцом поедут осматривать уши. На ухе у каждой коровы и овцы, принадлежащей Олаву, выжжены два сцепленных кольца и стрелка – это фамильное клеймо. На развилку пастушьих троп съедутся все бонды округи, будут разбирать скотину по домам. Загнав всех своих в стойла, братья Северяне сядут считать приплод, будут решать, сколько туш засолить, сколько отвезти на продажу, а сколько оставить на зимовку. В этом году пастухи обещали много ягнят и телят...

Свадебную повозку бога Фрейра первой увидела Гейра, старшая сестра Дага. Она засвистела, указывая пальцем на цветочные гирлянды, на блеск золота в клубках пыли, и очень скоро свистели и кричали уже все.

Красочная повозка, запряженная четырьмя белыми оленями, издалека казалась ярким пятном на фоне скошенных трав. Рога оленей позолотили, спину каждого укрыли кумачо-

вой попоной, а саму повозку украсили снопами ячменя, ржи и пестрыми лентами с бубенцами. Мелодичный звон нарастал, заполняя собой всю округу. Следом за повозкой верхом торопились нарядные всадники, бежали мальчишки-пастухи и девушки, собиравшие сено. Всадников было человек восемь, но с копьями – только двое, остальные хором выкрикивали стихотворные висы, зазывали гостей, щедро рассыпали из седельных мешков зерно четырех сортов.

Охрана веселой свадьбе не требовалась, зато гостей, судя по всему, собиралось немало. За конными показалась следующая повозка, в ней надрывались музыканты. Звенели струны кантеле, визжала флейта, громыхал кожаный барабан. Над повозкой музыкантов, на высоких дугах, развевались лоскуты яркой материи. За музыкантами, в устеленных коврами телегах, запряженных обычными конями, катили подвыпившие жители соседней фермы. Это до сих пор праздновали те, к кому Фрейр заезжал накануне.

– Везут могучего бога Фрейра! Фрейрову невесту везут! – раздавались радостные крики.

– Эй, собирайтесь на пир!

– Зовите гостей на свадьбу!

Дети первыми бросили работу. Девчонки с визгом торопились навстречу цветочному поезду, парни шли солидно, словно нехотя. На ходу все гадали, в какую сторону после развилки свернет свадьба. Позолоченные олени могли свернуть на юг. Там вдоль озера тянулись причалы Ингрид, тетки братьев Северян. Муж Ингрид когда-то не вернулся из викинга, поэтому она одна владела большой фермой, а еще – верфями и дюжиной рыбацких лодок. На ее плоскодонках по северным рекам спускали груды беличьих и куньих мехов, тысячи бобровых шкур, сотни мешков с лесными плодами, воском и жиром. Тетушка Ингрид была богата, и свадьба вполне могла завернуть вначале к ней...

Но бог Фрейр, отец плодородия, свернул к усадьбе Северянина. На счастье или на беду.

– Невесту везут! Будем пировать! Вот радость!

– Отец плодородия пожаловал к нам! Гей, женщины, доставайте припасы!

В повозке ехали трое живых людей и сам бог. Зоркие глаза Дага разглядели мрачную усмешку на лице деревянного идола. Дубовая колода, вся в желтых невянках, голубых колокольчиках и лиловых люпинах, тряслась на почетном месте, а рядом с ней важно восседала наряженная «невеста». Женщины постарше узнали «новобрачную», в этом году ее играла Туве, дочь Грима Большеухого, заправлявшего в Бирке всей кожевенной торговлей. Но больше всех «невесте» бога обрадовался самый младший из Северян, холостой девятнадцатилетний Сверкер...

Посаженные «родители», невзирая на количество выпитого эля, держались со всей солидностью и терпеливо прели в дорогих мехах. Золота и серебра, навешенного на них, хватило бы, чтобы одарить целую деревню. У «невесты» широкие браслеты начинались на запястьях и поднимались до плеч.

– Даг, беги за отцом! – скомандовала Хильда, вытирая вспотевший лоб. – Скажи, пусть режут кабанчика, будем пировать! Скажи, к нам завершила свадьба Фрейра!

Даг помчался что было сил.

Бога Фрейра в семейном капище чтили не меньше, чем заботливого Тора или грозного Одина. Но восхваляли его совсем в другие дни. И просили у него взрослые всяких взрослых вещей, в которых Даг пока не слишком разбирался. Деревянная колода Фрейра в капище стояла справа от личины Тора и выглядела довольно смешно. У прочих богов живот был плоский и имелось оружие. Зато у Фрейра весело торчала мужская гордость. Его регулярно одаривали цветами и колосьями, но не так щедро, как того истукана, что приближался к дому в свадебной повозке.

Даг уже знал, что к Фрейру на поклон ходят роженицы и наоборот – те, у кого никак не получался ребенок. Олав Северянин резал перед Фрейром овцу, насаживал ее голову на палку, а лучшие куски мяса оставлял на ночь прямо перед хмурыми глазами покровителя. Если утром мясо пропадало, значит, можно было ждать в овчарнях большого приплода. Зимой Хильда рассказывала детям о любви Фрейра к чудесной великанше Герд, о том, как отважный отец плодородия пытался вызволить свою возлюбленную из мира духов, о том, как в конечном счете он утешился в объятиях своей сестры-близняшки Фрейи и она стала богиней любви...

Сестры внимали, затаив дыхание, охали, даже иногда пускали слезу. Даг не понимал, чего они так тревожатся. Гораздо интереснее слушать драпы, которые сочинял одноногий Горм про викингов, великанов-драчунов и свирепых морских драконов. Еще интереснее было слушать о неведомом герое Александре и отце его Филиппе, как они победили все армии в своей стране, захватили богатую добычу и как их любили воины...

Даг задумался на бегу, чуть не забыл, куда его послали. В ворота фермы он влетел в таком волнении, что женщины, собиравшие крышу сеновала, решили – пожар случился или напали разбойники!

Олав немедленно принялся отдавать распоряжения; его приказов слушались все, даже младшие братья никогда не возражали. Рабы буквально летали по двору, тащили кабана, разжигали костер, развешивали по стенам дома праздничные ковры. Вот только в кладовые без Хильды войти никто не мог. Как и положено старшей хозяйке, она носила все ключи при себе. Но и свадебный кортеж: оставался верен старым обычаям. Всадники дали возможность женщинам накрыть на стол, объехали все лачуги бедняков в округе, только после этого белые олени внесли отца плодородия на ферму.

«Невесту» вывели со всеми почестями, «жениха» тоже вынесли, укрепили перед дверями главного пиршественного зала. Сборный стол растянулся почти на двадцать шагов, разместились все, кроме занятых на дальних покосах. Когда на ферме Олава гремела праздничная трапеза, одних домочадцев собиралось больше тридцати человек!

Перины скатали, вместо них расставили скамьи, их сдвинули вместе, накрыли шкурами. Музыкантов усадили возле очага, поставили им щедрую закуску. Даг глядел на них во все глаза и слушал их легкие, радостные песни. Вначале затянули долгую песню Жатвы, затем одна за другой понеслись короткие висы, восхвалявшие «жениха» и «невесту». На музыкантах малыш увидел удивительные рубахи, с рукавами в три раза длиннее руки, собранными на кисти в «гармошку». Впервые он видел мужчин в алых плащах с золотой каймой и женщин в длинных, до земли, платьях, увешанных массивными брошками. Каждая такая брошка на груди богачки стоила целого стада овец. Музыканты прикатали в длинных остроконечных шляпах и облегающих штанах из нежной шерсти, совсем непохожих на грубые кожаные штаны хускарлов. Они подкрашивали глаза, а на пальцы надевали кольца с гранатами, совсем как женщины!

Одноногий Горм затянул старинную свадебную драпу, помогая себе на лире, музыканты и хмельные гости тут же подхватили напев. Сестры хихикали и говорили, что дядя Сверкер, самый молодой из Северян, влюблен в пухлощекую красавицу Туве, но Даг в такую глупость никак не мог поверить! Явился Олав под руку с супругой. Хильда всем показалась очень красивой, Даг сразу понял, что мать гораздо красивее нарумяненной «невесты». И уж точно мама была гораздо красивее Унн, пышнотелой молодки, которую отец купил у тетки Ингрид. Трелли на поле шептались, что старший Северянин берет себе очередную наложницу, потому что остыл к Хильде, но сегодня все видели, что это неправда. Мать Дага всех затмила, и слегка пьяный Олав смотрел на нее влюбленными глазами.

А Сверкер смотрел только на Туве, дочь Грима Большеухого.

Девушки собрали хозяйке белые косы в пучок, нарядили в шелковое платье, которое одно стоило четверки быков. На плечах и груди Хильды платье удерживали три громадные золотые броши, под ними на цепочках и ремнях позвякивали связки ключей и мешочки со всяким хозяйским инструментом. Когда Даг был маленький, мама позволяла ему копаться в этих захватывающе интересных вещах. Она всюду носила при себе щипчики, иголки, маленькие фибулы, гладильные оправки и прочие занимательные мелочи. Никто из женщин клана Северян не мог похвастать такой обильной хозяйственной коллекцией...

Но теперь Даг подросток и больше не просился к маме на колени. Вместе с другими детьми ему разрешили тихонько сидеть позади, во втором ряду, и оделили целой миской моченых яблочек.

Тем временем парни расставили два десятка свечей, развесили на столбах светильники. Девушки внесли из кухни первую перемену блюд – жареную баранину в тмине, пшеничную кашу с фруктами и копченого лосося. Поползли по кругу рога с элем и медовухой. Ради приезда Фрейра хозяйка не поскупилась, достала из тайного сундучка особо ценные рога, в золотой оправе с рубинами. Эти рога зубра добыл в викинге еще дед Хильды, из каждого полагалось пить паре – мужчине и женщине.

С хохотом гости следили, как очередная пара, захлебываясь, вливала в себя полный рог. Тем временем гости помоложе прямо в зале устроили борцовские состязания. Парни сражались сидя, голыми руками старались спихнуть друг друга на горячие угли, и, когда это удавалось, вопящего неудачника встречал очередной взрыв хохота.

Сверкер угощал сладкими ягодами «невесту». Туве визжала и отмахивалась. Даг на их шуточки не обратил бы внимания, если бы не странное поведение одного из гостей. От этого красивого седого мужчины ощутимо пахло злостью. Сидел он чинно на своем месте, вместе со всеми поднимал заздравный кубок, кольца блестели на его холеных пальцах. Его злость Даг ощущал примерно так же, как неизбывную тоску волка Каласа.

Этот человек ненавидел дядю Сверкера. И очень похоже, что за компанию он ненави- дел всех Северян.

Глава шестая

В ней Олав Северянин хочет мира, а веселье по вине Дага заканчивается крупной неприятностью

«Свадьба» продолжалась, веселилась и буянила. Жирные искры взлетали над очагами, холопы не успевали подавать дичь и рыбу.

Первым сказал речь «посаженный отец невесты», его все узнали, несмотря на накладную бороду и густо подведенные глаза. Это был ландрман Торстейн, самый богатый и уважаемый человек херада. Он сказал, что Фрейр наверняка пошлет в будущем году Северянам богатые всходы, тучные стада и много дичи. Из рога с ним охотно выпила его супруга, и гульба понеслась с новой силой.

Произнесла свое слово Хильда, поклонилась истукану и гостям за оказанную милость. Ведь что может быть почетнее столь дорогих гостей? Ну разве что визит самого конунга Эйрика! Всем известно, что королевская дружина всю зиму разъезжает по стране, но гостит в усадьбах побогаче...

Сестры Дага забыли про малину, про кашу с кусками фруктов и орехами, они подпрыгивали и раскачивались в такт веселым песням. Раскрасневшиеся от жара очагов трелли внесли новую смену блюд – печеных гусей в горчице, рыбу в топленом масле, творожные пироги. Откупорили следующий бочонок с медом, теперь глаза заблестели не только у хозяев, но и у всех работников.

С ответным словом выступил Олав Северянин, он подарил «невесте» бобровые меха и связку черных лисиц, а самому Фрейру надели на шею толстую серебряную гривну. С музыкантами приехал известный скальд, служивший при упсальском дворе конунга-жреца. Скальд так красиво запел стихи, что авторитет одноногого Горма едва не пошатнулся. Плаксивую драпу о неудачной любви бога Фрейра подтянули беззубые старушки. После выпитой бражки у них самих потекли слезы, и музыкантам срочно напомнили, что надо веселиться и радовать компанию.

Следующий рог поднял тот самый человек, имени которого Даг не запомнил. Но лучше бы этот красивый седой мужчина не заезжал в этот день на двор. Возможно, это спасло бы всех от долгой цепи жутких событий. А возможно, ничего бы не изменилось. Как сказал гораздо позже старый Горм, от судьбы не уйдешь, сколько ни задабривай богов! Так или иначе, седой приехал издалека и, добровольно охраняя «невесту» Фрейра, имел на то свои причины. Он поднялся с полным рогом и сказал красивые стихи за здоровье Олава и его семьи:

Пусть послушны будут
Жернова и плуги
Власти вашей вечной
Средь державы свеев
Конунгов опора
Род могучих бондов
Зверя и пределы
Держит повеленьем
Каменной десницы
Радуясь соседству
Средь зимы и лета
Воспоем мы драпу...

После этих слов брата Северяне поднялись и в ответных стихах пожелали всего самого лучшего, попутно пригласив гостя из Бирки заезжать со всей семьей. В силу возраста Даг был одним из немногих трезвых и потому снова заметил взгляд, каким незнакомый гость оглядел младшего кузнеца. А раскрасневшийся Сверкер подсел ближе к губастой Туве, подкладывая ей куски повкуснее, о чем-то смешном рассказывал. Девушка смеялась, но старалась вести себя скромно, все же сегодня она была такой важной персоной...

Нехорошо смотрел гость, ой нехорошо!

Будь Даг немножко постарше, он шепнул бы матери, что, судя по всему, есть у липко-сладкого гостя свои виды на молодку Туве, не для себя, так для сына небось старается, и Сверкера не худо бы предупредить... Но сказать всего этого малыш еще не умел, он мог только остро чувствовать любовь и ненависть, витавшие над жаркой трапезой.

И замечал Даг, как всегда, много лишнего, чего лучше было бы ему не замечать. Он слышал, как Олав вышел облегчиться, а за ним словно невзначай выскользнул этот противный седой бонд в пурпурном плаще. Говорили они нехорошо.

– Щедрый у тебя одаль, Северянин, – похвалил гость. – Жирная, богатая земля, во всем Упплянде не сыщешь такой...

– Боги заступаются за мой род. Но и о твоём доме я слышал немало хорошего. Мой шурина всегда разменивает германские динарии только у твоих людей. Он хвалит их честность.

– Ну да, ну да... – неопределенно покивал гость, и было непонятно – рад он похвале или раздосадован. – У вас большой приплод, а у нас цены на скотину падают. Не слишком-то хорошо. За марку серебра, как прежде, можно взять неплохую здоровую рабыню, но коров – целых три, а не две, как в прошлом году... А за крепкого раба, который вдобавок понимает речь? За него прежде давали до трех марок или столько же вадамалом по дюжине локтей, но рогатой скотины уже дают до пяти голов! А со свиньями как быть? Хоть вези их и продавай ютландцам.

– Разве это плохо? – озадачился захмелевший кузнец. Олав не слишком-то разбирался в тонкостях денежного и менового оборота.

– Ну да, плохо, когда серебро падает в цене, – покровительственно усмехнулся гость. – Были у меня фризы... добрые торговцы. Из тех, что холостят мальчиков для марсельских гаремов... – Гость смотрел на Северянина пристально, насмешливо, точно искал повода для ссоры. Но кузнец ждал учтиво, не перебивал дорогого гостя. – Так я о чем? Ну да, о серебре. Фризы говорят, что кейсар Отто повелел копать новые рудники в горах Гарца, серебро снова упадет в цене... Впрочем, откуда тебе знать? Скажи лучше, это твой брат, такой красивый и молодой, все ластится к «невесте» бога? – вдруг спросил гость.

– А что в том дурного? Туве давно ему нравится, – добродушно ответил Олав.

– Но Туве не только ему нравится, – делано рассмеялся гость. – Все же нехорошо приставать к невесте на чужой свадьбе. Или твой брат уже посватался?

– Он собирается строить дом. Построит – тогда и посватается. А тебе что за дело? Уж не тебе ли дочь Грима Большеухого по нраву? – все еще мягко спросил кузнец.

– Мне еще одна жена ни к чему, своих хватает, – доверительно отвечал гость. – А вот сын мой, возможно, и хотел бы посвататься...

– Но твой сын... – Олав вдруг замолчал, словно что-то вспомнил.

– Что «мой сын»? – напряженно переспросил седовласый бонд. – Что ты хотел сказать? Может быть, ты считаешь, что мой Рагнар – не пара для дочери кожевенника Грима?

– Ничего, совсем ничего я не хотел сказать о твоём сыне, – примирительно улыбнулся Северянин. – Я ведь не знаком с твоим сыном. Если ты считаешь, что он порядочный и надежный человек, значит – так оно и есть...

Седой красавец заправил волосы за ремень, презрительно сплюнул в сторону и не спеша вошел в дом. Отец Дага постоял, тяжело глядя ему вслед, но ничего не сказал. Стерпел. Все-таки большой праздник, свадьба самого Фрейра. И явно не стоит задирать именинных гостей...

А спустя короткое время случилось то, чему суждено было случиться. Гости высыпали во двор, им следовало пройти кругом возле «жениха», одарить его элем и свежесрезанным петухом. Даг выбежал одним из первых и сразу наткнулся на белых оленей с золотыми рогами. Оленей, да еще таких красивых, на ферме кузнеца не держали. Возле них с лакомствами собралась группка детей, одна работница принесла даже совсем крохотную девочку, чтобы та послушала бубенцы.

Олени мирно жевали свое угощение и ждали, когда отец плодородия пожелает продолжить свадебный путь к Большому Бельту. Но, почуяв малыша Дага, сильный самец ударил копытом, захрипел и подался назад. Повозка соскочила с упора и накренилась.

– Ай, что это? – заверещали девчонки.

Волнение вожака мигом передалось другим оленям; испуганно тараща глаза, они вместе рванули в сторону, путая построжки, опрокидывая зазевавшихся детей. Лишь чудом никто не пострадал. Взрослые были слишком заняты возлияниями подле своего любимого покровителя, никто даже не оглянулся. Скальд во весь голос выводил рулады, флейта надрывалась, гудел барабан, из дома доносились взрывы хохота. Кому-то уже стало плохо, кого-то корчило за коровником.

Даг застыл, растопырив руки, и изумленно хлопал глазами. Олени кинулись в сторону, точно нос к носу столкнулись с диким лесным зверем. Их не пугали собаки, даже запах полуволка Каласа их не волновал. Зато приближение темноволосого малыша они восприняли с паническим страхом. Тяжелая повозка накренилась, колеса забуксовали в грязи, сверху посыпались цветы, жалобно зазвенели бубенчики.

Даг невольно шагнул вперед, вытянул руку, пытаясь приласкать рогатого вожака. Мальчику внезапно показалось, что с оленем можно так же, как с волком, – достаточно погладить по морде, заурчать ласково в унисон, и сразу станет хорошо обоим...

Но хорошо не стало. Эти труссы оказались совершенно чужими. Не такие тупые, как домашние коровы и овцы, но те ведь привыкли к запаху малыша с детства. Олени в страхе забились в угол, вожак даже поднялся на дыбы. Затем они рванули в сторону, и повозку бога боком потащило за ними. Цветы оказались в грязи, нарядные ткани выпали, спинка переднего сиденья сломалась...

– Держите, держите!

Первым неладное заметил Сверкер Северянин. Он стоял практически вплотную к нарядной «невесте» Туве и что-то ей нашептывал, когда повозка с грохотом зацепила край дома. Олени бежали сломя голову, еще немного – и свадебная колесница, с такой любовью украшенная мастерицами, разлетелась бы на части. Потому что бежать оленям было некуда, кроме как в узкий проход между домами, а там были свалены чурбаки от бревен и толстые сучья.

– Олени! Держите оленей!

Сверкер покинул девушку, ринулся за повозкой, ухватил крайнего оленя за рожки. Белоснежный красавец лягся, хрипел и не подпускал к себе. Телегу волокло боком, левые колеса вращались в воздухе. Еще двое мужчин бросились на помощь. На пути обезумевших животных очутилась старушка с кувшином, она выронила свою ношу, угодила под колесо, закричала истошным голосом.

– Веревку тащите! Что случилось?

– Сломали ей хребет? Нет, жива, жива!

– Вот напасть... Недобрый знак.

– Словно волчий дух почуяли!

Олени застряли в узком проходе. Сверкеру удалось скрутить жоака, хускарлы успокаивали пристяжных.

– Это он напугал, он! – Дети опомнились от первого страха, стали указывать пальцами на Дага.

Гости обернулись, стихли звуки музыки, собралась толпа. Ободом телеги повредило все же ногу одному восьмилетнему мальчишке, другой девочке камень отлетел в бровь. Испуганная старушка поднялась из грязи целая и невредимая.

Сверкер всем весом повис на брыкавшемся олене, отчаянно упираясь ногами, его сапоги оставляли борозды в земле. Работники Олава кое-как поставили повозку на колеса. Из нее сыпались подарки, орехи, зерно, фрукты, медовуха из бочонка полилась на землю...

– Все целы? – в круг ворвался Олав.

– Это Даг, это все найденыш! Олени побежали от его метки!

– Он напугал, он! Он им что-то кинул!

– Я ничего не кидал! – Даг сжался в углу, ощерил зубы. Ему вдруг показалось, что неведомые враги сжимают кольцо. Головы раскачиваются, когти и палки раскачиваются вокруг в свете факелов.

– Не трогайте малыша, он не виноват! – вскричала Хильда, хватая Дага в охапку.

– Не к добру это, Торстейн, – нашептывал кто-то из темноты в ухо ландрмана.

– Мы уезжаем, – постановил ландрман.

– Дурной знак, – негромко сказал тот самый, что едва не подрался с Олавом из-за «невесты». – Это плохо, что отец плодородия не хочет ночевать в доме бонда...

Он говорил нарочно тихо, чтобы слышали те, кто привез «невесту». Дага трясло, он побелел и мало что соображал. Он не испугался, а словно ненадолго выключился из хода событий. Ни тогда, ни позже он не мог толком вспомнить, что же произошло. Отчетливо помнил он лишь до того момента, когда протянул руку, чтобы погладить красивого оленя по морде...

– Дурной знак – на мальчишке, – подхватил кто-то.

– Найденышшш... – прошипели из темноты. – Смотрите, сдохнут у вас козы... очнетесь, да поздно будет...

– Не виноват мальчик! – упрямо повторяла Хильда.

– Как же не виноват? – проворчал рассерженный «отец невесты». Его, видимо, задели слова седого. – Теперь мы на ночь не останемся, поедем другой дорогой.

– Золотые слова, – веско уронил кто-то из свиты «невесты». – Видно, сам Фрейр противится, чтобы мы тут гостили! Эй, расступитесь!..

Олав Северянин крякнул, но смолчал. Спорить тут было не с кем, и оскорбления принимать от бога – глупо. Раздосадованные хусманы и их жены пропустили повозку. «Невеста бога» уезжала задрав нос. В ее роскошных белых волосах поблескивал гребень из моржовой кости, на руках до самых плеч звенели серебряные браслеты. Богачка Туве не пожелала заночевать в доме бонда Северянина, где по ней вздыхал младший из кузнецов.

Сверкер едва не плакал. Олав хмуро глядел вслед кортежу. Потом перевел взгляд на поникшего Дага.

– Хе, надо бы рассказать о таком чудесном мальчишке финской вельве... – как бы невзначай произнес седой гость. Он один задержался, проверял подпругу на лошади.

– Это зачем? – нахмурился Северянин. – Ни к чему рассказывать...

– Ну да, ну да, – масляно улыбнулся противный седой человек. Он вскочил в седло, еще раз косо, с затаенной ненавистью глянул на поникшего Сверкера и перевел взгляд на Дага. Глядел он так, словно зрел в нем какой-то мерзкий план. – Ну да, ну да, – повторил

седовласый гость. – Финские колдуньи очень любят смышленных детей. Именно таких, как этот, хе-хе...

– Знаешь, кто это? – Олав склонился к жене. – Это Харек Меняла, отец Рагнара, которого за жадность прозвали Пустой Живот.

– Это его отец? – округлила глаза Хильда. – Отец разбойника, который убил человек сорок?! И мы его принимали в своем доме? Наверняка с него ждут виру на десятке ферм! Не нравится мне это!

– Мне тоже не нравится, – процедил Олав. – Особенно мне не нравится, как эта гадюка говорила о Сверкере...

Глава седьмая

В которой Даг впервые серьезно пугается, а Олав Северянин платит за добрый урожай

Финская вельва прикатила не вовремя. Всем прекрасно известно, что вельва объезжает усадьбы летом, вместе с повозкой славного бога Фрейра. Впрочем, иногда финские вельвы могут заглянуть и без повода...

Или только кажется, что повода нет.

Услышав о том, что ведьма уже на соседнем хуторе, девчонки попрятались, страшась дурного колдовского взгляда. Хильда не испугалась, напротив, принялась готовить самое лучшее угощение. Прорицательницу полагалось накормить вареным сердцем и кашей на козьем молоке. Трелли спешно зарезали курицу, гуся и овцу.

Даг тоже не испугался. Ведь он никогда не видел ни одной финской колдуньи живьем, а как можно бояться того, чего никогда не видел?

Даг притаился в закуте, служившем спальней Олаву. Вместе с Дагом спрятались его старшие сестры и братья, но в последний момент они трусили и сбежали.

Оказалось, что страшились колдуньи не зря. Пиркке Две Горы оказалась уродливой, тощей старухой, с огромной бородавкой под глазом, жидкими седыми волосами и тремя рядами стеклянных бус на шее. У нее росли волосы на подбородке и торчал наружу желтый зуб. Она стучала кривым посохом, на конце которого переливались драгоценные камни. Одета она была в плащ, раскрашенный синими и красными квадратами, на голове носила шапку из белой кошки и руки тоже держала в кошачьих меховых перчатках. Руки из перчаток она так и не вынула. Следом за вельвой в дом зашли две ее трелли, молчаливые и хмурые.

Их усадили на почетное место, принесли горячую еду. Детей выгнали из главной залы, остались одни взрослые. Когда вельва разрешила, мужчины и женщины опустились на колени возле очага. Никто не произнес ни слова, пока таинственные гости кушали. Даг у себя в тайнике затаил дыхание. Он слышал, как скрипят челюсти у старух, слышал, как вздыхает за стенкой теленок, как посвистывают ласточки, свившие гнезда под стропилами. Еще он слышал, как у реки хохочут прачки и как пищат под брюхом у матки молочные поросята. Дагу и в голову не приходило, что, кроме него, здесь никто не обладает таким тонким слухом.

Но было еще кое-что, кроме звуков.

Впервые в защищенном родном доме мальчик почувал опасность.

– Пахнет дурно... – прошепелявила Пиркке, исподлобья оглядывая стены.

Олав промолчал, зато Хильда заметалась, закудаhtала, повелела принести еще света, сама поднесла госте деревянную чашку с элем.

– Дурно пахнет, чужим колдовством... – Вельва потянула носом, как волк по ветру.

Никто не посмел ей перечить. Когда белесые глаза вельвы скользнули по деревянной стенке, за которой прятался Даг, ему почудилось, будто ледяная лапа схватила за горло. Ненадолго, почти сразу отпустила...

Олав принес кошель, отсчитал шесть эре отличного чистого серебра и десять сирийских монет. Братья подвесили на вертеле кабанчика. Очень скоро запахло жареным мясом. Приоткрыли двери, чтобы деревянный бог во дворе тоже вдохнул свежанины.

– Я даю всем то, что они просят. Чего вы просите? – подобрела прорицательница.

– Попроси за нас могучего Фрейра, чтобы коровы принесли по два теленка...

– Чтобы козы не болели этой зимой...

– Чтобы корма хватило до месяца Жатвы... – пропели женские голоса заученные строки.

– Кто поможет мне? – скрипучим голосом спросила колдунья, расстегнув на себе трупный пояс.

На поясе у нее висели три больших кожаных мешочка, доверху набитые снадобьями и секретными знахарскими предметами. Ноги в мохнатых башмаках колдунья поставила вплотную к огню. От мокрых башмаков повалил пар, но пламя словно обходило ноги колдуньи стороной. Хильда стала нарезать мясо, женщины передавали деревянные миски.

– Мы поможем... – Перед креслом склонились две женщины, жена Снорри Северянина и старуха, наложница Горма.

– Я не могу славить Фрейра, пока в доме есть волчья лапа, – пробурчала колдунья.

– Волчья лапа?! – Олав Северянин вздрогнул и переглянулся с женой.

– Он там... – Вельва ткнула черным пальцем в спальный закут.

Родичи прекратили жевать.

– Там никого нет, – попытался возразить Олав.

– Он там, волчья лапа. Чужое колдовство! – брызгала слюной Пиркке.

Сверкер откинул покрывала и вытащил на свет упирающегося Дага.

– Прости его, он еще несмышленный, – вступилась за младшего сына Хильда. – Мы не знали, что он там спрятался...

– Он смысленный, он очень смышшшленный, – колдунья пристально оглядела мальчика. – Не уводи его, пусть сидит. Ты боишься меня, мальчик?

Даг взглянул на отца. Олав кивнул – разрешил говорить.

– Я никого не боюсь! – тряхнул головой Даг. Опасность!

Впервые опасность была рядом, а не в далеких туманных снах! Но это была не опасность близкого лезвия, страх заворачивал и притягивал.

– Слушай меня, Олав, и ты, Хильда из рода Северян... Я иду через все фиорды севера, иду через все заливы Большого Бельта...

– Через все заливы... – подхватили женщины.

– Иду по местам, где море налезает на море, а берег топчет берег...

– Где берег топчет берег...

– Я везу законную виру богов, чтобы поля заросли доброй травой, чтобы скотина нагуляла жира, чтобы рыба сама попадала в сети...

– Рыба в сети... – Помощницы колдуньи стали раскачиваться, причитая все громче.

Следом за ними стали раскачиваться все собравшиеся в зале. Вельва кинула в огонь щепотку тертых корешков, другие корешки растворила в чаше с элем. Чашу понесли по кругу, каждый делал по два больших глотка. Глаза у парней остекленели, многие девушки не могли дальше стоять на коленях, они бессильно опустили на циновки. Варевое подействовало очень быстро.

– Иду по рудным залежам, иду по серебряным рудникам, иду по заячьим норам!

– По заячьим норам...

– Иду по животам брюхатых и животам нерожавших, веду невест плодовых ванов!..

– Веду невест плодовых ванов...

По кругу поплыл третий рог с пряным элем. Над очагом всплывали клубы ароматного сладкого дыма. Ноздри Дага трепетали, он покрылся испариной, сердце колотилось. Ему вдруг показалось, что вместо противной старухи он видит совсем другую женщину, молодую и красивую, темноволосую, с цветочным венком на голове. Женщина тянула к нему мягкие добрые руки, улыбалась и шептала... на чужом, но понятном языке...

Даг очнулся. Он лежал на шкуре, во рту было кисло, в голове плыл туман. Родичи доедали кабана, пир продолжался, хотя многие уснули. С дороги доносился перестук колес,

хускарлы возвращались с полей. Довольные идолаи заглядывали в дом круглыми голубыми глазами. Пиркке крепкой рукой ухватила мальчика за волосы, указала на его голую макушку.

– Олав, откуда у него это?

– Это... это было всегда, – отец облизал пересохшие губы.

Впервые Даг увидел, что огромный кузнец робеет! Его отважный отец, с одного удара умевший заколоть быка, робел в присутствии финской ведьмы!

– Олав Северянин, я знаю тебя давно, – вельва не посмела притронуться рукой к метке. – Ты был хорошим хускарлом на службе конунга Бьерна. Ты собрал знатную добычу в Ломбардии и вернулся домой героем. Но на сей раз ты взял добычу не по силам. Это ведь не твой сын?

– Мой... я взял его в дом, – Олав запнулся.

– Наверняка ты заметил, что он не любит пасти коз?

– Да... не слишком он с ними ладит. Козы боятся его... даже бык сторонится.

– Ты повесил ему на шею молот Тора, но ему нравится драться, а не махать кувалдой? – проницательно заметила гостья.

– Да, это так... Он сильный и изворотливый, он лупит всех мальчишек.

– Наверное, он любит быть один? Он кричит во сне на чужом языке?

– Откуда ты знаешь? – Хильда прикусила язык. Родители переглянулись. Обоим пришла на ум одна и та же мысль – наверняка Харек Меняла подослал вельву с дурным умыслом.

Пиркке помрачнела. Даг переводил взгляд с отца на мать.

– Что у него на шее? Зуб?

Даг схватился за свою единственную реликвию. Несмотря на гнев отца, он ни в коем случае не желал расставаться с драконьим когтем.

– Я даже не притронусь, – пообещала старуха. – Просто покажи мне. Угу... Ты знаешь, мальчик, чей это коготь?

– Это с лапы самого страшного дракона Фафнира, – заважничал Даг. – Его победил Сигурд Вальсунг...

– Это коготь горына, – отрубила вельва. – Такие здесь не водятся. Эти твари водились на востоке Гардара, их давно перебили. Откуда он у тебя?..

– Мой брат Свейн Волчья Пасть возвращался с торговым фелагом из земли вендов, – отец заговорил шепотом, но Даг все равно слышал. – Свейн подобрал малыша далеко отсюда, в устье Малого Бельта.

– Твой сын сам стоит на ногах, но до сих пор прячется в постели матери?

– Он еще мал, чтобы отдать его в обучение, – торопливо, словно извиняясь, заговорил Олав. – Многие говорят, чтобы я отвез его к жрецам в Упсалу...

– Духи саамов зовут его, – задумчиво произнесла вельва. – Я вернусь через год... Или через два. Если ты дашь мне зре серебра за каждый месяц, я возьму твоего сына с собой. Я верну его к месяцу Жатвы и снова заберу на год. Я отвезу его к святилищам саамов. Решай, у тебя есть время. Меня ждут на следующей ферме. Если я не ошиблась... ты получишь свой гельд вдвойне.

– Ты хочешь забрать его в свою страну?

– Чтобы он стал тем, кем должен стать. Он вернется великим чародеем.

От этих слов сердце Дага замерло, а затем заколотилось еще сильнее. Такого невероятного предложения он не ожидал. Это не то что колотить топором на верфях тетушки Ингрид или махать кнутом, разгоняя стада овец! Хотя, с другой стороны, как же тогда попасть в дружину к дяде Свейну?..

– Но... я хотел взять его с собой на девятилетний Дизаблот в Упсалу, – продолжал гнуть свою линию Олав.

Пиркке Две Горы задумалась.

– Это еще не скоро...

Старую Упсалу ей приходилось навещать не раз. Но некоторые года были особенными. Лишь раз в девять лет в золотом храме Упсалы проходило Великое жертвоприношение. Окруженный золотой цепью, храм открывал двери для каждого, ярлы и простые бонды приносили горы подарков, жрецы выносили трон со статуей Одина, а священную рощу наполняли крики жертв. Пиркке Две Горы сама была не прочь посетить таинство, ведь ждать следующего предстояло девять лет! А это так завораживает – наблюдать, как на деревьях будут развешивать по девять трупов существ мужского пола: людей, псов, коней... Во время церемонии кровь польется рекой, золотые цепи будут блистать на солнце, на горах вокруг храма задымят костры...

Девять дней вполне можно повеселиться, хе-хе!

– Хорошо, Олав Северянин, отвези его в Упсалу. Пусть ваши асы сами рассудят, кому мальчик назначен на службу.

– А если... если мы его тебе не отдадим? – расхрабрилась Хильда.

– А, перкеле! Дело ваше, но я к вам больше не вернусь. Громовик саамов сделает так, что Фрейр покинет вас.

Вздых ужаса пронесся под сводами дома. Мало что могло напугать скотоводов и земледельцев так, как гнев любимого бога. Если олени Фрейра не заедут на ферму – осенью жди беды!

– Отчего ты нас пугаешь? – Олав Северянин побледнел от гнева. – Разве мы мало платили тебе?

– Я вас не пугаю, – вельва поднялась, помощницы набросили ей на плечи плащ. Один лишь Даг заметил, как дрожат у старухи руки.

– Клянусь Вавудом... – Сверкер икнул. После выпитого варева младший брат Олава не мог шевелить языком. – Клянусь...

– Что же с ним делать? – наверное, впервые в жизни Олав Северянин оказался перед таким сложным выбором.

– Ты ведь знаешь, что тебе делать, – промолвила вельва. – Я вижу, твой парень не даст никому спокойно жить. От обычных детей олени не бегут. Думай, Олав Северянин. Я вас не пугаю, я сама боюсь. Очень боюсь.

Глава восьмая

В которой Сверкер готовит капканы, а Даг пытается совершить революцию в фехтовании и становится настоящим Северянином

Пробежали еще два месяца. Свадьба Фрейра и вельва потихоньку забылись, новые заботы поглотили Северян. В хераде объявили сезон охоты. Олав отпустил на охоту младшего брата. Сверкер с ранней юности считался лучшим лучником, он ухитрялся первой стрелой укладывать не только зайца, но даже увертливых лисиц и хитрых бобров.

Едва упали первые желтые листья, Сверкер собрал ловцов и ускакал в Совиный Распадок. С ним напрашивались многие мальчишки из усадьбы Северянина, но всех охотники взять с собой не могли. Для Дага, несмотря на юный возраст, Сверкер сделал исключение. Олав очень удивился, когда узнал, что младшего брата не пугает его сын. Слишком многие помнили о происшествии с оленями Фрейра и советовали Сверкеру не подпускать странного мальчика к диким животным. Находились такие, кто считал, что, если Даг отправится с охотниками, им не удастся поймать в силки даже хромого зайчонка...

Но все прошло не так уж плохо.

На прошлогоднем тинге лагман объявил сроки начала охоты. Белку и зайца этой осенью разрешалось брать с середины месяца Жатвы, выдру и бобра – с листопадов, а лосей – еще месяцем позже. За нарушение сроков лагман грозил огромным штрафом, и охотники зачесали в затылках. Кроме того, была объявлена норма осенней промысловой подати – лопатка каждого десятого лося, десятая белка и выдра – в пользу конунга. Косулю бить запрещалось под угрозой тройного штрафа.

Зато из Бирки прискакал курьер с приятной новостью. За лето хищники расплодились невероятно, нынче медведя, волка и лису мог безнаказанно бить кто угодно, когда угодно и в любом количестве. Мало того, ландрман Торстейн назначил штраф в дюжину беличьих шкурок для каждого бонда, который не выделит людей на рытье волчьих ям. Соседи Олава – Ингрид, Свейн Волчья Пасть и Халльвард Жаворонок выгнали почти всех свободных хускарлов на волчью облаву. Общими усилиями серые стаи удалось потеснить, только люди Свейна привезли сорок дюжин волчьих хвостов.

Поэтому Сверкер не сдерживал своих людей, когда впереди мелькал рыжий лисий хвост или собаки облаивали следы косолапого. Больше всего Сверкер Северянин гордился своими новыми приобретениями – он купил двух особых собак, специально обученных для охоты на лис и белок. Вместе с другими мальчишками Даг замирал от восторга, когда охотник укладывался на землю, запуская руку по плечо в узкую нору и за длинную шерсть вытаскивал глухо урчащую псину. Удивительной собаке наверняка было не слишком-то приятно, что ее тащат за хвост, но зубы она упрямо не разжимала. А в зубах трепыхалась и тявкала полузадушенная лисица...

Другой гордостью Сверкера стали замечательно крепкие силки для зайцев и бобровые капканы. Такие мощные капканы впервые держал в руках не только Даг, но и большая часть ловцов. Две полукруглые пластины, похожие на зубастые челюсти, растягивали бычьими жилами, жилы наматывали на барабан и вбивали клин. Затем в центр «челюстей» укладывали остро пахнущую рыбку, которую так любили бобры...

Спустя месяц Даг возвращался в усадьбу опытным охотником. Ему лично удалось заманить в силки двух куропок и зайца. А еще он вместе с дядей Сверкером загнал в яму здоровенную росомаху! Но на этом интерес к охоте у младшего Северянина пропал.

Зато Олав стал все чаще замечать, что Даг подолгу крутится в кузнице.

– Если мои сыновья не тянутся к железу, может, начнешь учить своего? – спросил у брата Снорри.

– Он давно учится... Смотри, сын мой, – Олав взял щипцами горячую, жирную, тускло поблескивавшую глыбу. – Это была болотная руда, сынок. Она богата железом и не требует много торфа, чтобы начать превращаться.

Олав положил горячую еще крицу на колоду и нанес по ней несколько сильных ударов. Большой ком развалился на части. На изломанных срезах среди шлака блестел металл.

– Никуда не годится, – проворчал Снорри. – В этом железе осталось слишком много угля и грязи. Такое железо нельзя ковать, брат. Будем прокаливать второй раз.

Следующая порция крицы вышла более удачной. Братья подхватили спекшийся багровый ком, кинули на плоский камень и методично заработали молотами. Когда они начинали так колотить, сердечко Дага замирало. Ведь прямо на его глазах совершалось превращение болотной почвы в добротный плуг!

– Теперь смотри сюда... – Олав взял в руки другую, уже остывшую заготовку. Его жесткие задубевшие пальцы были похожи на корни дуба. – Самое главное для доброго меча – чтобы лезвие не гнулось. Почему?

– Чтобы выстоять в бою против секиры!

– Верно, а еще? Даг задумался:

– Чтобы рубить щиты и шлемы!

– Верно. Мечом следует бить и быстро, и сильно. Если лезвие будет гнуться, как у косы, враг останется цел...

Олав с удивлением и радостью смотрел, как маленький сын пытается оторвать от земли настоящий боевой меч. Шестилетние племянники Олава охотно дрались на игрушечных мечах, но огонь не любили. Одного племянника уже сговорились отдать в обучение к тетке Ингрид, она владела на озере несколькими верфями. Другого, по традиции, забирали в семью троюродного брата, а оттуда собирались взамен прислать своих подрастающих сыновей...

– Смотри, сын мой. Чтобы меч стал прочным, мы раскаляем железную руду вместе с углем. Мы режем железо на короткие куски, связываем вместе с углем и снова перековываем, пока оно не станет белым от жара... – Олав объяснял, а сам не прекращал раздувать меха. Иногда он подменял Снорри или одного из работников с кувалдами. – Поддай мне клещи... Затем мы собираем эти куски в новый пучок, обкладываем их железными полосами и снова бьем и греем. Бьем и греем! Ты запомнил?

Даг заворуженно кивнул. В его темных глазах плясало пламя. Но смотрел он не на огонь, он ласкал взглядом новый меч. Он слышал звон и грохот грядущих битв!

– Теперь клинок готов, но он шершавый и тупой. Мы отдадим его Горму в полировку, – продолжил отец. – Когда старина Горм закончит, по лезвию поползут переплетенные змеи. Это называется «ковка сирийским узором», но однойковки мало. Нам нужно закалить меч, чтобы он звенел, как голоса скальдов. Что мы делаем для этого?

– Раскаляем его снова до белых искр. Окунаем его в корыто, в первый раз с конской мочой, на пятую часть с маслом и разбавленным медом и с теми травами, что ты хранишь в кувшине, – отбарабанил Даг. – Как остынет, снова раскаляем, и так четырежды, пока змеи на клинке не совяются в новый клубок...

– Верно, сын! Против такого меча не выдержит ни один щит... А что мы делаем потом?

– Потом... потом мы будем затачивать лезвие.

– Покажи, как затачивать? – с хитрецей спросил Олав.

– Вот досюда, – Даг безошибочно отмерил треть лезвия. – Дальше точить не надо, пусть будет тупое, для отбива...

– Верно, сын мой. Мы заострим только конец, которым рубим...

– А почему он тупой? – Даг уткнул острие меча в ладонь.

– Как тупой? – рассмеялись кузнецы. – Он вовсе не тупой, с одного удара рубит голову барану!

– Нет, тупой! – уперся Даг. – У него кончик тупой. Почему у ножа, которым Фотий скоблит кожи, острие режет пальцы, а здесь – нет?

Братья замолкли. Который раз Олаву Северянину пришла в голову мысль, что с его приемным сыном происходит что-то неладное.

– Сынок, так никто не делает, – мягко возразил он. – Ни один кузнец не делает мечи с острием, как у кожевенного ножа. Ведь меч для того, чтобы викинг мог рубить врага, а не тыкать им, как палкой в лисью нору.

– А если ткнуть мечом в живот? – Даг смотрел на отца не моргая. Олаву стало неудобно под взглядом этих темных, чуть раскосых глаз. – Если сделать его длинным и острым? Если не махать, а ткнуть в горло?

Олав Северянин задумался.

– Но тогда всем придется драться по-другому, – возразили дядья. – Так нельзя! Для такого удара есть копьё. Кто же научит наших викингов тыкать мечом? По слухам, так поступают кочевники, что состоят на службе у кейсара Бризанта. Но даже кочевники орудуют не мечами, а копьями...

– Я научу! – торжественно заявил Даг. – Я научусь сам и научу других. У меня будет самая сильная дружина на свете!

– Олав, я думаю, из твоего младшего не получится кузнец... – Несмотря на деревяшку, старина Горм, как всегда, подошел бесшумно. – И я думаю, Олав, из него получится не просто ополченец... Может, тебе следует взять мальчика с собой в Старую Упсалу на праздник Большой жертвы? Может, следует заколоть пару черных овец, чтобы конунг-жрец предсказал мальчику будущее?

Родственники следили, как маленький Даг с пыhtением пытается взмахнуть боевым саксом.

– Ты полагаешь, малышу место в хирде ландрмана? Но я бы не желал ему такой участи – грабить собственных родичей и друзей. Это прежде мы гордились тем, что состояли в лейдунге. Ныне и свободное ополчение – уже не то...

– Нет, становиться прислужником ландрмана я ему не желаю, – с отвращением заявил Горм. – Однако слугам Одина и Тора нужны молодые помощники.

– Клянусь кровью асов, ты прав, – кузнец остервенело навалился на ручки мехов. – Я спрошу совета у асов. Если парню суждено быть умнее нас, то, может, ему место в Упсале, у золотого трона Одина?

Весьма вероятно, что отец сразу отвез бы Дага к святилищам в Упсалу, и жизнь мальчика потекла бы совсем иначе. Но очень скоро произошли события, круто изменившие планы Олава Северянина...

Как-то за ужином одноногий скальд напомнил об одном важном деле:

– Олав, ты признал найденьша сыном? Посмотри на него, мальчик не похож: на нас. Он темноглазый, и кожа его темнее нашей. Но он нам стал родным. Ему исполнится семь, и тебе придется отдать его в другой дом, но...

– Ты прав, Горм. Пора признать его сыном, – опомнился кузнец. – А ну принесите мне сапог!

Домочадцы оживились. В предвкушении маленького праздника и дармового угощения к дому Олава потянулись хускарлы и трелли. Племянники наперегонки понесли за громадным кожаным сапогом. Освободили место, сапог водрузили в центре зала. Женщины бросили работу, мужчины прекратили разговоры. Требовалось многое починить, зашить, залапать, но в скромном празднике все нуждались еще больше.

Из подпола выкатили бочонок с элем. Родичи выстроились в ряд, старый Горм ударил в ладоши и запел кусочек из драпы, сочиненной им за обедом. Звучало очень красиво:

Крови волку вволю
Юный витязь дарит
Сталь разит злодеев
На свободных бондов
Поднимавших руку...
Юный витязь греет
Дланью меч разящий...

Хильда, подпевая, стала разливать по кружкам желтую пахучую пену. Теперь все хлопала в ладоши, но поочередно женщины и мужчины, а девчонки постукивали кружками. Следовало изобразить радость такую же, как при рождении настоящего сына. Хильда успела переодеться в праздничное платье и заставила переодеться дочерей. В волосы вплели цветные ленты, на щиколотки и запястья надели костяные браслеты...

Первым босую ногу в сапог поставил хозяин, за ним, по старшинству, братья, затем племянники и дальние свободные родичи. Самый маленький – Даг, он сумел влезть в сапожище обеими ногами. Родичи захохотали, появился повод опрокинуть еще пару кружек.

Эль – не то что горькое пиво, он сразу бьет в голову, кружит мысли, разносит по костям тепло. После второй кружки эля Горму принесли кантеле из челюстей щуки. Звонко запищали струны из тонких жил, звук полился чистый и высокий, точно далекий плач. Старушки тоже уронили слезу, все поочередно гладили Дага по голове, совали ему гостинцы. Сладкое нашлось только у бабушки Унн, она всю зиму хранит диковинные сухие ягоды с далекого юга, дядя Свейн называет их инжир. Чтобы разгрызть инжир, его приходится вымачивать в кипятке, но у Дага крепкие зубы!

Сестры пошептались и подарили братцу красивую ветку прошлогоднего дягиля и сани, вырезанные из мыльного камня. Другая бабушка сняла с шейного ожерелья целых три стеклянных шарика – большое богатство! Третья бабушка, теща Снорри, достала из сундука рукавицы – теплые, длинные, с завязками на локтях. Но самый ценный подарок сделал дядя Сверкер. Он лично выковал для Дага маленький меч. Олав схватил длинноволосого малыша, посадил к себе на колено:

– Все видели? Даг Северянин – теперь сын кузнеца Олава Северянина! Будешь кузнецом, сынок?

– Я стану викингом! – упрямо прошептал младший сын бонда.

– О-хо-хо! Вот так герой, – лица взрослых стали красными от выпитого. Чем упрямее, чем своенравнее растут мальчишки, тем больше всем это нравится! Разве может парень расти слабаком и тихоней?!

– Куда пойдешь, викинг? – подначивали Дага захмелевшие родичи. – Хочешь, как Свейн, отбить себе в Кенугарде княжну?

Даг не понимал, о какой княжне идет речь, но сама идея стать таким, как дядя Свейн, ему нравилась. В семье гордились подвигами херсира Свейна, младшего брата Хильды. Пять лет назад Свейн Волчья Пасть был в викинге, доплыл до самого Кенугарда, сердца южных словен, там отбил дочку какого-то князька и ловко продал ее печенегам.

– Я соберу самую сильную дружину! – пообещал родителям Даг. – Я привезу самую богатую добычу!..

Спустя две недели в кузницу прикатила с озера тетушка Ингрид. Она все про всех знала и первая получала новости от своих рыбаков.

– Дураки болтают лишнее, – сказала Олаву тетушка Ингрид. – Ты веришь, что твой сын рожден стать жрецом?

– Я верю в то, что вижу. В лесу он угадывает солнце без «солнечного камня». Он предсказал нападение кабана на нашу заимку. Он тянется к огню. Он не слишком любит воду, но зато любит лес. Он дружен с полудикими волками, которые охраняют мое хозяйство.

– Люди болтают, что мальчика выронила саамская вельва.

– Это вранье! Его подобрал в море брат моей жены.

– Сколько ему лет?

– Наверное, уже пять, – Олав с гордостью отметил удивление тетки. – Он быстро растет, гораздо быстрее моих племянников.

– Ведь это не твой родной сын?

– Я принял его. Этого недостаточно? – Северянин слегка повысил голос. – Я чту закон. Мой сын не будет запечником. Следующей весной его надо отдать в семью другого бонда, чем дальше от дома – тем лучше. Мои племянники скоро уедут. Мальчики станут мужчинами только там, где нет матерей.

– Если хочешь, привези его вместе с Торкилем. Посмотрим на него...

– Спасибо, Ингрид. Но мне кажется, что Дагу не понравится смолить твои лодки или вырезать канаты из моржовых шкур.

– Ты назвал его Даг? Это датское имя.

– Он сам себя назвал, – отец коротко рассказал про коготь, но благоразумно умолчал о волчьей проплешине на макушке сына. – Горм считает, мальчика надо отвезти на Девятидневную жертву...

– Ты думаешь, надо рассказать о нем жрецам в Упсале? – Тетушка Ингрид с сомнением покачала головой. – Если из него не выйдет корабела, лучше отдай его Свейну, пусть учится торговать. Сейчас не самые лучшие времена, чтобы ходить в викинг. И не самые лучшие времена для жрецов, поверь мне, Северянин. Люди болтают, что саамские вельвы ищут детей. Если это так, лучше тебе спрятать сына...

Глава девятая

*В ней сестры весело шутят в лесу, но шутка заканчивается
большой бедой*

– Астрид, вы возьмете с собой Дага? – издали крикнула дочерям Хильда.

– Астрид, ты слышала? Мама хочет, чтобы мы всюду таскали за собой найденыша, – проворчал двоюродный брат Сигурд.

– Он мне ужасно надоел, – поддакнула старшая сестрица Гейра. – Почему мама не отошлет его на ферму дяди Свейна, пусть там дерется с мальчишками!

– Потому что мальчишки не хотят с ним играть, – жеманно округлив глазки, пропела Унц, дочь мясника, дальнего родича Северян. – Третьего дня Даг покусал Сигурда, затем поставил подножку Торкилю, когда тот помогал таскать доски. Торкиль упал и распорол руку.

– Мы его избили до крови, – горделиво сплюнул Сигурд. Сигурд выражался во множественном числе, потому что действовал всегда сообща с братом. – Мы его избили, думали – он побежит жаловаться. Но он не пожаловался. Он обещал, что изобьет нас поодиночке, ха-ха-ха...

– А вчера найденыш ударил внука прачки Гейры Волосатой, – пожаловался сын одного из хускарлов. – Мой папа говорит, что Олав Северянин взял в дом волчонка. И что скоро он всех тут загрызет.

– И правильно сделает, – неожиданно вступилась за Дага взрослая девушка, одна из наемных пастушек. – Внук вашей Гейры отобрал у Дага его ножики и его сани с оленями и сломал их. Я сама видела. Мальчик просил их отдать, но холопы только смеялись над ним!

– Волчонок так укусил его за нос, что бедняжку отнесли домой и положили на лицо лед, – прошипела еще одна маленькая сплетница, издали злобно глядя на Дага. – Все дерутся, но никто не делает так больно...

Младший Северянин тем временем тащил на себе сразу шесть корзин для ягод. Его самого не слишком-то радовала перспектива идти в лес вместе с вредными братьями и сестрами, но в одиночку родители с фермы не отпускали. В прошлый раз, когда он без спросу убежал на озеро, отец здорово отлупил его и посадил в холодный погреб. К счастью, Олав не умел долго сердиться, но задница Дага запомнила урок. Его никогда не били за драку, за шум и любые проказы внутри фермы. Взрослые вообще занимались рукоприкладством крайне редко, когда того требовала нужда. Но если отец говорил «туда нельзя», нарушать запреты не следовало. Гораздо позже Даг узнал, что на озере часто прятались беглые рабы и убийцы. К жилью они не выходили, опасались собак, а глупого мальчика могли запросто зажарить и сожрать...

– Астрид, я спросила, вы идете за ягодами? – Распаренная Хильда оторвалась от стирки.

– Идем, мама, – скорчив недовольную рожицу, сестра выхватила у Дага свою корзинку.

– Мы тебя еще вздуем, – беззвучно пообещал брату Сигурд.

– Смотрите, не потеряйте малыша, – напутствовала Хильда. – И не вздумайте ходить за Белые камни. Вы меня поняли?!

– Поняли, мама, поняли, – захихикали сестры. – Мы будем за ним следить.

– Ага, мы его привяжем, – сквозь зубы прошипели мальчишки.

– Унц тоже идет с вами?

Унц недавно исполнилось тринадцать. В сегодняшней компании дочь мясника оказалась самой старшей. Ее отец пользовался на ферме заслуженным уважением – лучше всех умел заготавливать мясо впрок. Но собственного двора так и не нажил.

– Да, мама, – покивала Астрид. – Унц обещала пойти с нами. Она знает, где много грибов и черники.

– Унц, ты самая старшая, присматривай за ними, – велела хозяйка. – Следи, чтобы поле всегда было видно справа, иначе забредете в болото.

– Не бойтесь, мы проследим! – И девчонки с хохотом припустили к лесу.

Маленький темноволосый мальчик деловито затрусил следом. Хильда следила из-под руки, как дети перепрыгнули через канаву, взобрались на остатки старого вала и скрылись в чахлом орешнике. За дочек она не боялась, с малых лет их приучали собирать грибы и ягоды к семейному столу.

На ферме никто не сидит без дела – это закон. Девочки учатся сучить шерсть, ткать, готовить крепкие нитки из жил и кроить готовую одежду. Еще они учатся заготавливать впрок любые виды мяса и рыбы, снимать, сушить и резать шкуры. А еще – доить коров и коз, принимать роды у скотины и накрывать на стол... Всего не перечислишь, что обязаны до замужества освоить дочери свободного бонда!

Впрочем, Хильда все чаще задумывалась о дурных веяниях, пришедших из городов. Раньше никто не уважал белокожих неумех, никто бы просто не взял замуж: девушку, чуравшуюся крестьянского труда. Будь у тебя хоть трижды набиты все сундуки, ты обязана делать всякую домашнюю работу лучше своих холопок! Но нынче прямо на глазах жизнь стала меняться в худшую сторону. Среди дочерей ландрманов, судей и хавдингов стало добром то, что прежде было позором. Многие гордились, что ни разу в жизни не прикасались к навозу, не ворошили мокрое сено, не отпаивали на руках новорожденных ягнят! Горожанки стали носить в любой день праздничные платья из парчи и шелка, стали подкрашивать глаза черным, а лица – белилами и румянами, стали воротить нос от девичников и древних традиций, подаренных еще богами. В Бирке Хильда слышала чудовищные речи. Тамошние богачки говорили, что ковыряться в земле – удел холопок, а им, дочерям ярлов, богами назначено только править другими...

– Что случилось с мужчинами? – наседала Хильда на мужа, возвращаясь домой с рынка. – С каких пор жены лагмана и начальника стражи распоряжаются, как королевы? Разве не свободные бонды выбирают людей на эти должности? Разве они теперь получают свое жалованье до смерти и передают права на него своим бабам?! С каких пор их дети считают себя наследными принцами? Что ты молчишь, Олав?

Но что мог ответить кузнец? Он молчал и хмурился, вполне справедливо ожидая от тревожного времени новых напастей. Традиции покачнулись, вековые обычаи на глазах покрывались ржавчиной насмешек. Шведы издревле привыкли сами выбирать себе вождей и сами же их изгоняли. Лейдунг веками собирался добровольно под командованием лучших мужей, деды брали себе под посев столько, сколько могли обработать, и редко кто посягал на чужие наделы. Но нынче в громадной лесной стране стало не хватать пахотной земли. Лучшие участки захватывали ленники конунга и всякие прохвосты. Викинги привозили тысячи марок награбленного серебра, но безземельных становилось все больше. Они сбивались в дружины и присягали на верность новоявленным вождям. А те из кожи вон лезли, чтобы получить ярлство или влезть в родню к древним родам.

Когда дед Олава служил в лейдунге, сотня ополченцев содержала одного знаменосца, барабанщика и четверых младших лютых. А нынче каждый третий норовил прожить на поборы, и не только прожить, но и разбогатеть! Ярлы и хавдинги плодили гражданские и военные должности, не проходило полугода, чтобы налог с усадьбы не возростал хотя бы на пол-эртога серебра.

Прежде свободные землевладельцы никому не кланялись, а усердные рабы могли легко выкупить свободу. Нынче власть и громкое имя стали передавать по наследству. Нынче гордились тем, чего стыдились в былые времена: бездельем и кожей без мозолей. Теперь охотно убивали за деньги, а прежде бились за право попасть в небесную Асгарду, обитель богов...

Олав не мог изменить мир, зато Хильда действовала вовсю. Она поклялась себе, что ее дочери вырастут в уважении к законам рода, старательными, умелыми и работающими. Слава Фрейру, на ферме Северян всегда был достаток, но это не значило, что кому-то позволено отдыхать у печи!

Поэтому Хильда посылала дочерей и племянников за лесными плодами всякий раз, когда не могла занять их другим делом. И Астрид, и Гейра, и племянники, и дети работников – каждый должен был набрать до осени большой мешок черники и брусники. Хильда не опасалась хищных зверей, летом им вполне хватало пищи в болотистых лесах на севере. Охотники говорили, что давно не видели на водопоях так много толстых оленей...

Если не перебираться за Белые камни у старого русла ручья, то в трясину дети не провалятся и в капканы точно не угодят. Правда, на этой стороне ручья тоже легко заблудиться, если потерять из виду распаханное поле. Лесная ягода коварна – это всем известно. Подбираешься к одной, за ней манит другая, так недолго и до Черного леса добраться. Вот уж там чащоба так чащоба! Если в Черный лес случайно забредет корова, ее даже не пытаются искать. Ходят поверья, что там похоронен саамский нойда, убитый лихими людьми. По ночам он не спит, бродит и душит всякого, кто забредет в его мертвяцкие владения...

Хильда слегка вздрогнула, наблюдая за детьми. Девочки бежали вприпрыжку тесной группкой, они миновали орешник, теперь спешили вдоль солнечных прогалин, подбирая в корзины созревшую лесную ягоду. Даг шел в сторонке. Вот кто заботил Хильду гораздо больше, чем дочери. Она видела, что Даг любит лес, он старается при первой возможности покинуть внутренний двор фермы. Может, ему скучно или старшие мальчики его обижают? Пока что Хильде все жаловались именно на Дага. Одному заехал палкой по затылку, другого чуть не проткнул железным сверлом, третьему пытался выцарапать глаз. Пока что он был самым мелким и потому – самым слабым среди детворы мужского пола. Но мать хорошо понимала – еще три-четыре года, и неравенство пропадет. Если найденыш не научится жить в мире с родственниками, долго он не проживет – так приговаривали старухи.

У приемной матери складывалось иное мнение. Даг вел себя так странно, замкнуто и ожесточенно, потому что видел и слышал больше других детей. Но помочь ему Хильда не могла. Порой она сама чувствовала, насколько Даг острее ее воспринимает все происходящее. Он первым предрекал, что пойдет дождь, и вообще всякую непогоду. Когда его обвиняли несправедливо, мальчик моментально закипал и готов был драться как волчий оборотень. Но Хильда примечала еще кое-что. Чем старше становился ее приемыш, тем хладнокровнее переживал он оскорбления и обиды. Но не прощал их, таил месть до удобного времени...

Шумная ватага тем временем добралась до старого пожарища. Поочередно дети перебрались через ручей и после короткого обсуждения решили идти в дальний бор. Бор начался после Белых камней. Не для того решили идти за Белые камни, чтобы насолить взрослым.

Просто каждый считал себя достаточно взрослым. Кроме того, лучшие ягоды и грибы росли, как водится, за границей запретной земли. Бор за Белыми камнями острым клином прорезал распаханное поле, затем клин коварно расширялся, заманивая путников и дровосеков к болотистым берегам Ветерна. Северяне рубили здесь сосну для хозяйственных нужд, но занимались этим зимой. В теплое время года колеи терялись в болотной жиже.

Даг брел последним. Он вдыхал хвойные сырые запахи, слушал бульканье близкого болота, следил за порханием птиц и серебряными паутинками. Он раздумывал, говорить

ли остальным, всем этим злым и шумным дуракам, что впереди, за полосой сыроежек и горелыми кочками, кто-то прячется...

Даг пока не мог определить, сколько их и чего они хотят. Он ощутил их присутствие совсем недавно, после того как Сигурд повернул всех в сторону грибной ярко-желтой прогалины. Мальчишки и девчонки, те, у кого имелась обувь, поскидывали ее на сухой кочке, чтобы зря не портить и не утопить. Затем все дружно накинулись на лисички и моховики, а комары, в свою очередь, накинулись на детвору.

– Эй, волчонок, чего зеваешь? – окликнули Дага сестры. – Мы соберем все без тебя. А мама надерет тебе уши!

– Он же волчонок, он умеет только кусаться, – захихикал вредный Сигурд, – а грибы у волчонка проваливаются сквозь пальцы!

Даг смолчал. Он слушал тех, за болотом. Они то появлялись, то исчезали. Еще у них были лошади. Маленькому Северянину мешали слушать визги и топот его родичей. Дети разбрелись по влажным мхам, шлепали по лужам между подтопленных сосен, болтали и перекликались между собой. Унц дважды велела всем собираться на сухом берегу, потому что изначально планировалось идти вовсе не за лисичками, а за ягодой. Чтобы набрать полные корзинки черники, следовало либо вернуться назад, к Белым камням, либо забирать севернее, туда, где постанывал на косогорах солнечный сосновый бор...

Но следом за хитрыми грибами дети все сильнее отклонялись на юг, в сторону необитаемых озерных заводей.

– Там плохие люди, – Даг решил поведать двоюродному брату о своих сомнениях. – Там. Они голодные и смелые. Они слышат нас.

– Кто? Плохие люди? – расхохотался Сигурд. – Эй, вы слышали – найденыш испугался дровосеков!

– Я не найденыш! – вспыхнул Даг. – Я сын Северянина!

– Видишь – ветки навалены? Здесь тащили сосну наши дровосеки, – снисходительно объяснил малышу другой мальчишка, сын одного из работников. – Вон, видишь – следы копыт? Они запрягли вола и тащили. Там, у Черного леса, всегда берут старые деревья. Там стоит избушка, мой отец в ней тоже ночует, когда его очередь идти за сосной. А ты струсил, как девчонка, испугался дровосеков!

Даг сжал кулаки. Только что его обидели дважды, но противников было слишком много. За пять лет непрерывных стычек в семье Северян он, наконец, выучил верное правило – с недругами следует расправляться поодиночке!

– А ну, все уходим за ягодой! – Унц кое-как удалось организовать младших.

Дети выбрались на сухую прогалину и принялись обсуждать, где больше черники. Позже никто не мог припомнить, чья идея была напугать кусачего малыша. Кто-то из девчонок предложил спрятаться и поглядеть, как несносный найденыш будет плакать, не в силах отыскать путь домой. Остальные подхватили игру, стали шепотом советовать друг другу, как хитрее поступить. Обычно заводилами в подобных проделках выступали Астрид и Гейра, дочери Олава. Но позже они рыдали и клялись, что ничего ужасного против малыша не замыслили...

А Даг топал в сторонке и ни о чем не догадывался. Потому что слушал злодеев. Злодеи на берегу озера стали еще ближе. Даг не смог бы никому объяснить, откуда он знает, что это мужчины, что их двое и что они недавно выпотрошили украденную козу. Им принадлежали старые и больные лошади, наверняка потому, что здоровых лошадей украсть труднее. А сами мужчины долгое, очень долгое время провели в стороне от нормальных людей. Они отвыкли мыться, произносили мало слов и спали то одним, то другим глазом поочередно. Но не как волчья стая, у волков повадки иные. Скорее эти двое походили на коварных лис, собиравшихся передуть птиц в курятнике. Они спрятались в густых зарослях на необи-

таемом берегу, планировали там развести костер и зажарить украденную козу, но что-то их остановило.

Далекий детский смех? Запах тринадцатилетней девочки? От многомесячного полузвериного существования их инстинкты обострились до предела. Они бросили козу, привязали коней и, прихватив ножи, бесшумно вышли на новую охоту...

И Сигурд, и Астрид, и Гейра, и другие впоследствии не могли внятно объяснить, как случилось, что они ушли так далеко. А они ведь ушли не просто далеко, они перемахнули ближайший косогор с бормочущим солнечным бором, и еще один, и еще... А получилось это весело и легко, потому что решили спрятаться от глупого Дага и поглядеть, как он будет хныкать.

А Даг полз кое-как, затишье его не слишком беспокоило, поскольку он и не думал теряться. Для него были слишком очевидны и заметны многочисленные следы, оставленные ребятами. Когда шестеро бегут рядом, они неизбежно топчут землю, рвут паутину и ломают ветки. Но маленького Северянина никто не воспитывал следопытом. Он был в панике, но не от того, что его бросили. Двое сильных одичавших мужчин ломались сквозь заросли со стороны озера.

Чужаки бежали намного быстрее, чем глупые дети с фермы Северян. В какой-то момент они встречно почуяли Дага, но не обратили на него внимания. Они слишком торопились перехватить иную добычу.

Когда маленький Северянин выбрался на очередной каменистый кряж, поросший молодыми елями, он наткнулся на перевернутые корзинки и растоптанные ягоды. Даг поставил свою корзину на пенек. Он потерял след своих родичей. Они бежали отсюда сломя голову. Кто-то потерял сапожок, кто-то бросил собранные грибы и браслеты из камушков. Они бежали в ужасе и уже не вспоминали о найденныше. Бежали все, кроме дочери мясника.

Ее похитили.

Дага затрясло. Он постоял минуту или около того на порывистом ветру. Небо стремительно темнело, сквозь хвою просочились первые капли дождя, прогремел гром. Бор словно проснулся, эхо тяжелого вздоха прокатилось по рядам столетних великанов. Даг задумался, он не представлял, как лучше поступить. Дом находился где-то неопределенно справа. Мальчик взобрался на пригорок, надеясь обнаружить притаившихся братьев и сестер. Под порывами ветра сверху падали иголки. Одинаковые просеки убегали вдаль, влево и вправо, насколько хватало глаз. В самом безвыходном положении человеку свойственно надеяться. Даг никак не мог поверить, что его бросили в глухом лесу. Он никогда не забредал так далеко. Если мать узнает, ему не поздоровится...

Ливень быстро набирал силу, скрадывая прочие звуки. В хлещущих потоках воды Даг потерял последние следы. Он беспомощно вертел головой, пытаясь взять верное направление. И вдруг... увидел, как что-то яркое на миг блеснуло в далеких кустах.

Оранжевые и белые бусинки из ожерелья тринадцатилетней Унц.

Даг побежал, оскальзываясь на влажных листьях. За каменистой грядой на секунду распахнулась даль, серым металлом блеснула поверхность озера. Сосны уступили место густому лиственному лесу. Заросшие древесными грибами пни и поваленные стволы образовали сплошной непроходимый завал. Вдоль этого завала быстро шагали двое лохматых мужчин, одетых в рваные выцветшие одежды. Один нес на плече безвольно повисшее тело Унц; запястья и щиколотки девочки были стянуты веревками. Второй торопился следом, воровато оглядываясь, в руке его блестел длинный нож.

Унц была жива. Даг упал ничком в мокрый мох, издали слушая бешеный стук ее помертвевшего сердечка. Унц даже пыталась кричать, но всякий раз похититель сжимал ей горло.

Дага никто не просил преследовать двоих взрослых зверей в человеческом обличье. Он метнулся следом за похитителями, затем застыл, подняв одну ногу, точно лисенок. До мальчишки внезапно дошло, что вода скоро смоем любые следы. Если сейчас повернуть туда, где, по идее, должна находиться ферма... никто тогда не найдет бедняжку Унц, даже лучшие пастушьи собаки отца.

Даг с сожалением повесил корзину на сучок и повернул обратно. Туда, где безмолвно кричала и билась в руках насильников дальняя родственница Олава Северянина...

– Вы с ума сошли? Поглядите, какой дождь! – набросилась на вернувшихся дочерей Хильда. – Вы нарочно, да? Вы бросили его в лесу?

– Мы не бросали его, он сам сбежал, – забарабанила Астрид. – Мама, он чуть не прокусил Гейре горло, посмотри...

– Да, он чуть не задушил меня, – покраснев от страха и стыда, заголосила старшая сестрица. – Он вцепился мне в горло только потому, что я не отдала ему гриб... а потом он убежал...

Хильда обследовала пострадавшую. Приковыляли две старые тетушки, заохали, разглядывая кровавые порезы. Мокрых детей уложили, обогрели, намазали бальзамами.

– Эй, а где Унц? Я спрашиваю, где Унц? Она же *была* с вами?

Дочери Олава переглянулись и дружно заревели. Мальчишки сопели в сторонке, не в силах поднять глаза.

– Вот бедняжка... – разглядывая шею Гейры, зацокала языком тетушка Ауд Младшая. – Человек так не кусается. Если этот мальчик потеряется в лесу...

Хильду передернуло. Она уже послала человека за мужем и ратную стрелу из колчана Олава – в соседние усадьбы. Она знала, что муж: не будет сердиться за такое самоуправство. Своими силами им не обойтись, нужна помощь всех свободных мужчин сюзла. Дождь и ветер лупили с бешеной силой, прижимая к земле кусты, а траву расчесывали так, что обнажалась голая земля. Ручьи сливались в глубокие речки, вода тащила куски деревьев, щепки, солому и захлебнувшихся птенцов.

– Самый маленький – и самый драчливый, – добавила Ауд Старшая. – Если этот мальчишка потеряется в лесу, большой беды для семьи не будет.

– Я вас спрашиваю – где Унц? – в который раз приступила к детям Хильда.

– Она... ее украли...

– Что-о?!

– Ее схватили разбойники, – наперебой заголосили сестры и дети работников. – Мы убежали... у них большие ножи...

– Мама, они и нас хотели убить!

– Где моя дочь? – В дверях хозяйского дома, поливая пол потоками воды, стоял мясник Магнус. Позади напирала его младший сын, племянник и жена, все вооруженные и готовые к погоне. Под ногами поскуливал промокший волкодав. Олав Северянин приходился Магнусу двоюродным племянником. Хильда сразу поняла, что мяснику уже успели сообщить о пропаже его младшей дочери.

– Они бросили Дага и твою дочь, – сказал одноногий Горм. – Эти щенки позорят наш род. Они подло бежали.

– Эй, вы, трусливые пиявки! – Хильда отвесила каждому ребенку по мощной оплеухе. – Вы что мне обещали? Вы обещали мне присматривать за малышом! Вы обещали держаться вместе! Вы обещали слушаться Унц и не ходить за Белые камни! Мне все равно, дрались вы или нет! Вы нарушили слово!

Дочери и племянники Северянина хором застучали зубами, сбившись в кучку. Даже сквозь шум ливня они узнали тяжелую поступь кузнеца и теперь ожидали неминуемой расправы. Но Олав никого бить не стал. За ним в дом вошли еще пятеро работников.

– Мне уже рассказали, – кинул Северянин на ходу. Протопал мимо притихших женщин, снял с крюка свое боевое оружие. – Мы зайдем с востока и будем прочесывать все кусты от Белых камней до болота. Снорри, ты со своими пойдешь по Козьей тропе, понял? До самого озера, чтобы никто не прошмыгнул...

– Мы все поняли, – Снорри выжал мокрые волосы, натянул капюшон. – Я возьму Каласа?

– Забирай Каласа и собак Сверкера. Хильда, когда появятся ребята Свейна и Халльварда Жаворонка, пусть смыкаются с нами, мы будем держать факел на фланге. Мы загоним этих змеенышей в болото...

– Храни нас Один! Смотрите, кто это?! – Тетушки вскрикнули разом, подскочили словно ужаленные. Обе указывали в просвет двери. Хильда первая выскочила под дождь, за ней – сам Северянин.

От восточных ворот, по колени проваливаясь в текущую грязь, с трудом пробирался маленький темноволосый человечек. И тащил на себе полную корзину ягод.

– Он нашел... Он сам выбрался, хвала Фрейру!

Сестры переглянулись и заплакали в голос, когда Олав бегом внес Дага в дом. Мальчик был холодный как лед, сердце еле стучало.

– Живо отогрейте его! Снорри, вы не стойте, а седлайте коней! И забирай с собой всех треллей, – посоветовал Горм, вороша дрова в очаге.

Хильда тем временем раздела окоченевшего Дага догола, уложила на подстилку рядом с огнем и принялась растирать его посиневшее тело жиром.

– Не... болото... – прошептал Даг. Его заметно лихорадило. Болезнь еще только вступала в свои права, но, как все закаленные с раннего детства люди, Даг Северянин либо не болел вовсе, либо хворал очень тяжело.

– Что он бормочет? Он был на болоте?

– Вот бедняга, еле выбрался! Это же так далеко!

– Он сам дошел почти из Черного леса!

– Как он сумел найти? – изумленно переглядывались женщины. – Вот уж точно, его вел за руку сам Фрейр, покровитель детей...

– Не... болото... – Изо всех сил напрягая голосовые связки, Даг тянулся к отцу. – Они удрали к озеру... бегут по озеру... по воде...

Северянин обернулся уже на пороге. Он внезапно изменился в лице, хлопнул себя по лбу.

– Гей, Путята, скачи, догони Снорри! – прикрикнул Олав на холопа. – Скорее, скажи, чтоб разворачивались к озеру. Собак пусть вернут назад, собаки не помогут. И как я сразу не догадался!..

Глава десятая

В которой Олав Северянин устраивает облаву, Даг впервые смотрит в «солнечный камень», а Сверкеру удается удачно поохотиться

Хильда ловко завернула сына в нагретые шкуры. Старшие сестры глядели на своего волшебного братца точно на ожившего покойника. Мальчишки кривились, перебарывая слезы.

– Папа, вы их не поймаете, они хитрые... – Даг хлебнул из чашки дымящегося бульона, заговорил почти нормальным голосом. – Они уже бегут по воде... Возьми меня с собой, я их найду!

Невзирая на возражения Хильды, маленького Северянина переодели в сухое и закинули в седло. Дага трясло, но после порции чудесного отвара тетушки Ауд он немного согрелся. Зато стало больно водить глазами, сперло дыхание, а внутри затылка словно подвесили на веревке тяжелый камень. При попытке резко повернуть голову, камень безжалостно ударял в кость изнутри.

Отец закутал сына в кожаный плащ, очень тяжелый, но зато не пропускавший влагу, и прижал к себе левой рукой. Всю дорогу Даг ощущал поперек живота отцовскую каменную руку. Она казалась крепче любой палицы.

– Быстрее, запрем их у озера!

– Эй, Ульве, живо скачи, собери всех пастухов!

Галопом проскакали до межи, разделявшей поля Северянина и Свейна Волчьа Пасть. Свейн сам посевами не занимался, давно скинул эти скучные обязанности на нанятых хускарлов, отдал им участки в лен и очень редко проверял, как идут дела. К сожалению, и сейчас он находился в очередном походе – повез в Волин моржовые кожи, а по пути планировал ограбить пару деревень...

Поэтому навстречу Олаву выехали с копьями лишь трое дружинников херсира, отдохавших у него на ферме, и дюжина крестьян со взрослыми сыновьями.

– Что случилось, Северянин? – Старший из работников Свейна вернул кузнецу его собственную, клейменую, стрелу. – Мы собрали всех, кто свободен. Но можем послать в Лошину, там парни валят лес...

– Нас вполне достаточно, – ответил Олав. – На той стороне орешника мой брат со своими людьми. Нам предстоит найти двоих змеенышей и удавить...

Он коротко рассказал людям, что произошло. Разжевывать печальные новости им не пришлось. Даг лишний раз мог убедиться, как уважают его отца в округе и как быстро летает ратная стрела. Что касается самого преступления – хуже насилия над девушкой могла быть разве что потрава колодцев или убийство самого бонда. Ведь известно, что за убийство любого члена семьи или раба можно заплатить... если, конечно, согласится родня убитого. Но как заплатить за поруганную честь девчонки? Тем более если у насильников не хватило смелости поступить как мужчина. К своему возрасту Даг уже отлично знал, как поступает настоящий мужчина. Совершив злодеяние, он не прячется. Что бы он ни натворил, стучит в двери ближайшего дома и все без утайки рассказывает...

– Мы возьмем их, – старший хускарл Свейна отдал распоряжения своим помощникам. Многие несли зачехленные факелы и луки со стрелами. – Мы пойдем справа от вас и растянемся по полю. Если вы встретите еще подмогу, говорите им, чтобы шли на наш левый фланг. Но... с чего вы взяли, что они побегут по воде?

– Мой сын их видел, – Олав показал на Дага. – Лошади у них тощие. Скорее всего, украли где-то. В Черный лес они не сунутся, лошади там увязнут. Значит, они бегут по воде. Если доберутся до деревни рыбаков – украдут лодку и уплывут. Надо их перехватить до деревни!

Две колонны всадников тронулись с места, на ходу растягиваясь в шеренгу. Вдали залаляли пастушьи собаки, замычали коровы. Дождь немного ослаб, но теплый пар, поднимаясь от земли, не позволял видеть дальше второго соседа. Высунув нос из плаща, Даг тоскливо оглядывал мохнатые тучи. Его сотрясала крупная дрожь.

– Да, в такую погоду... – Горм задрал мокрое лицо к небу. – Собаки нам не помогут. Плохо видно, а в озеро впадает много ручьев. Они могут убежать вверх по любому ручью. Могут отсидеться в чаще.

– Не убегут, – подал голос Даг. – Я их найду.

– Вот оно как... – уважительно протянул один из крестьян, пытаясь разглядеть мальчика под толстым плащом. – Северянин, твой сын – чародей?

– Нет, просто у него чутье настоящего викинга, – Олав сердито прищипорил коня и поскакал вперед. – Эй, Магнус, Вагн, Торольд, зажигайте факелы, дождя почти нет!

Спустя некоторое время справа показались неровные огоньки. Это скакали рысью люди Снорри Северянина. Две длинные, слегка извилистые змеи сомкнулись. Теперь погоня охватывала приличную территорию, правым флангом упираясь в берег озера, а левым – забирая в сосновый бор. Снорри передал брату по цепочке, что люди Халльварда Жаворонка присоединились к ним и еще должны приехать соседи с двух ферм. Новости в сюсле разносились быстро. Никто не желал терпеть под боком насильников и убийц.

– Сколько их? Уверены, что их двое?

– А девчонка-то жива, ее видели?

– Скорее всего, это те мерзавцы, которых приговорил тинг ланда еще в позапрошлом году, – сказал Снорри, когда братья сблизилась и поскакали рядом. – Помнишь, там было восемь лютых из хирда Ульме Шепелявого? Шестерых повесили, двое сбежали...

– Ага, верно! – вспомнил Олав. – Они грабили своих же торговцев, которые покидали Бирку с товарами. Они нападали на купеческом кнорре, сами притворялись купцами... Они убили многих. Однажды даже пытались напасть на нашего Свейна, но он их разогнал...

– Неужели эти крысы до сих пор скрываются в лесу? – злобно сплюнул предводитель крестьян. – А у нас – то коза пропадет, то овца, то рыба из сетей... Теперь все понятно. Их надо выкурить и раздавить, как подлых крыс!

– Эй, Олав, подождите меня! – На первом лесном холме братьев галопом догнал Сверкер. Он привел с собой еще пятерых холопов и четверых вооруженных хусманов, они ехали по двое на каждой кобыле. Но главное – он привез в тряпке обломок «солнечного камня», который сразу же вызвал живой интерес Дага. Иногда такой кристалл поднимали над головой, медленно водили им из стороны в сторону и смотрели в него одним глазом. Однако, кроме Горма Одноногого, никто не мог угадать, где в дождливый день прячется солнце.

Цокот копыт стих. Собаки Северянина носились кругами по рыхлому мху, но ни одна пока не взяла след.

– Ты узнаешь, сынок? Это здесь?

Даг сосредоточился. Пятно на макушке едва заметно пульсировало. Лоб стал горячим, зато ладони и пятки совсем замерзли. Хотелось лечь и свернуться клубочком.

Кажется, он вернулся в нужное место... Или нет? Он тогда слишком торопился, слишком быстро бежал, чтобы не замерзнуть. Он бежал за подмогой и не думал о направлении, пока не уткнулся в столбы со знакомыми конскими черепами...

– Сюда, – мальчишка указал на едва заметную оленью тропку.

– Но здесь не проходили люди, – возразили хускарлы. – И собаки не берут след.

– Сюда! – уперся Даг.

– Сворачиваем куда сказал мой сын, – постановил Олав. – Эй, на краю, передайте по цепи – пусть забирают вправо!

– Папа, а можно мне поглядеть в «солнечный камень»? – тихонько спросил Даг.

– Смотри, сынок, только не урони, – Олав передал неровный кристалл своему приемному сыну. – Постарайся угадать, в какой стороне солнце? Может, тогда ты легче найдешь?

Даг приложил кристалл к глазу и взглянул на мутные тучи. В первую минуту ничего не изменилось, пока он не попробовал крутить головой. К удивлению отца, солнце он нашел очень быстро. Оно повисло размытым оранжевым пятном над холмами. Стоило отнять от глаза волшебный камень, как Дага снова окружил серый дождливый день. Вокруг тропы густой паутиной смыкались ветви.

– Вон солнце, папа, оно там!

– Что я вам говорил? – торжествуя обернулся Олав к младшим братьям. – Мой сын, если захочет, станет лучшим кормчим! Свейну как раз не хватает кормчего на новый драккар! Сынок, тебе совсем плохо? На, попей!

Даг заставил себя сделать несколько глотков из деревянной фляжки отца. Стало немножко полегче. Навстречу, из частокола ветвей, выскочили двое парней с копьями.

– Хозяин, собаки взяли след!

Дагу очень понравилось смотреть в «солнечный камень». Это оказалось даже интереснее, чем ставить капканы на лисиц или подманывать уток. Вот со всех сторон только унылая мокрая серость, и вдруг – выскакивает веселое солнышко! Жаль только, что волшебный кристалл у него скоро отобрал Горм Одноногий.

Горм был одним из немногих, кто умел в море находить солнце и стороны света. За это в молодости, в набегах, он получал полуторную норму добычи.

– Хозяин, они ушли в плавни! Девочка с ними, вот кусок ее платья!

– Снорри, веди своих в обход! – приказал Олав. – Сверкер, а ты останешься со мной! Держи лук наготове...

К сожалению, собаки взяли старый след. С большим трудом люди Снорри прорубились сквозь кусты. В заросшей заводи у самой воды они разыскали место, где убийцы коротали зиму. Те сколотили кривую хижину с очагом. Рядом, на дереве, висела выпотрошенная коза. Работники Снорри по клейму определили, что коза принадлежала семье Халльварда Жаворонка. Но на след девочки охотники напасть не смогли.

Зато людям Свейна Волчья Пасть повезло больше. Их собаки взяли след в распадке, на самой границе бора и Черного леса. На сырой земле сохранились отпечатки стершихся копыт, там же нашли стеклянные шарики из ожерелья и обглоданный куст, к которому насильники привязывали лошадей.

– Вперед, быстрее! – Старший хускарл приказал спустить собак и послал гонца к Северянину с доброй вестью.

Олав поступил предусмотрительно. Было весьма соблазнительно сузить фронт поисков, раз уж все равно стало ясно – разбойники убегали вдоль бурелома, избегая в него заезжать. Как настоящий полководец, Олав приказал правому флангу растянуться еще сильнее и не шуметь, дабы дичь не сумела неожиданным рывком ускользнуть из засады.

Перед загонщиками возникло очередное серьезное препятствие. На сей раз – действительно настолько серьезное, что пришлось спешиться. Сплошной непроходимый бурелом тянулся вдоль берега озера на многие тысячи локтей. В заросли уводило много звериных тропок, но угадать, по какой из них скрылись похитители, было почти невозможно. Оленьи тропы превратились в ручьи.

– Хозяин, собаки снова потеряли след...

– Сын мой, ты слышишь, где они? Можешь их найти, сынок? – Впервые в жизни отец обратился к маленькому Дагу как к равному.

Даг высунул горящую голову из-под плаща:

– Папа, мне надо вниз... Внизу, пусти меня... – Он не мог точно сформулировать просьбу. Просто чувствовал, что близкое присутствие отца мешает. Но Олав послушался, бережно передал сына подскочившему Сверкеру.

Даг закрыл глаза. Вокруг всхрапывали лошади. Из их разогретых ноздрей валил пар. Люди притихли по команде бонда. Только мясник Магнус, отец похищенной Унц, громко всхлипывал и безумными глазами шарил по зарослям. Его двенадцатилетний сын всюду сопровождал отца с топором в руках.

– Они там, – Даг уверенно ткнул в сплетение ветвей.

– Сверкер, охраняй моего сына, – Олав решительно отстранил брата, первым шагнул в мокрый полумрак.

Не прошло и нескольких минут, как громадные пастушьи псы зарычали. Они уверенно обогнали людей, затем рычание сменилось отчаянным лаем.

– Магнус, стой! – закричал Олав.

Но удержать мясника он не сумел. Отец Унц первым вломился в колючие ветки и вырвался на болотистый берег. Бывшие дружинники Шепелявого спешили по чавкающей дорожке вдоль прибрежной осоки. Лошадей они тянули в поводу, поперек седла первой лошади была привязана девочка, на второй везли тюк с награбленным добром. Но их было уже не двое, а трое!

– Держи их, держи! – завопил Магнус.

Похитители обернулись. Убедившись, что погоня близко, они вскочили в седла. Загонщикам пришлось бы пробираться пешком между валунами и зарослями осоки. Обманчиво близкое расстояние никто не смог бы легко преодолеть.

– Сверкер, того первого! – шепотом приказал Олав. Словно отвечая ему, в сотне шагов впереди, отрезая разбойникам путь к лесу, показались люди Снорри Северянина. Лохматый страшный человек на берегу прокричал ругательство.левой рукой он вытащил нож, на кулак правой намотал волосы истерзанной девочки. Он показывал всем, что легко не отдаст свою жизнь. Другие разбойники решили удирать напролом, но им навстречу уже спешили крестьяне. Тогда они спрыгнули с коней и кинулись в воду.

Сверкер очень плавно опустился на одно колено, одновременно натягивая тетиву. Стрела тихо свистнула. К восторгу Дага, Сверкер попал. Тот, кто замахнулся на связанную девочку, опрокинулся назад со стрелой в глазнице.

– Ага, попал, попал! – срывая голос, завопил Даг. – Так ему, так!

– Убей второго, Сверкер! – вторил мальчику старый Горм.

Но второго Сверкеру убить не пришлось. Первыми уцелевших разбойников настигли собаки. Одну собаку они сумели зарезать, вторая прокусила кому-то руку, третья вцепилась в бедро. Охотники спешили со всех ног, они повалили злодеев на мелководе и стали вязать.

– Ого, теперь мясник повеселится! – засмеялись хускарлы.

Даг удивился. Он недоумевал, что тут веселого для отца бедной Унц.

Но очень скоро понял.

Глава одиннадцатая

В которой Олав объясняет, что такое честь, а мясник Магнус показывает, как правильно нарубить конечности

Даг сидел на кочке, нахохлившись, и дрожал. Отец заставил его выпить остатки отвара, приготовленного знахаркой. На какое-то время лихорадка отпустила.

Мясник Магнус подбежал к своей дочери, снял ее с седла, разрезал веревки. Прибрежные кусты зашевелились в дюжине мест. Это смыкалась широкая петля погони. Многие были разочарованы, что добычу поймали без них. Сосед Северянина, Халльвард Жаворонок, предложил оскопить и повесить насильников прямо тут, на берегу. Но кузнец воспротивился.

– Мы сразу пришли на помощь, а ты нас лишаешь забавы, – обиделся Жаворонок. – Неужели так трудно убить их прямо сейчас?

– Нельзя судить человека без лагмана. Лагман знает законы, – без особого напора заметил Горм. Просто так заметил, чтобы соблюсти приличия. Хускарлы разочарованно взвыли.

– О, мне знаком этот шрам! – Снорри Северянин прихватил связанного вонючего злодея за бороду, потянул так, что все увидели налившиеся вены на шее и крестообразный шрам. – Это же Торольд Бешеный, когда-то он ходил под командой Свейна, а затем продался Ульме Шепелявому. Этот Ульме грабил всех подряд, он нападал даже на своих...

– А второй кто? Второго кто узнает?

Люди стали подходить и заглядывать в лицо второму разбойнику, но опознать его никто не сумел. Злодея бросили ничком на мелководе, и, пока спорили, он едва не утонул.

– Посылаю человека к лагману? – спросил Халльвард Жаворонок.

Магнус-мясник обернул к ним побелевшее лицо. Его дочь пришла в себя, теперь она не переставая вскрикивала. Ее брат Руд пытался успокоить девочку.

– Я обойдусь без судьи, – хриплым голосом заверил Магнус. – Все слышите меня? Если никто не поможет мне, я справлюсь один. Я обойдусь без судьи и без тинга. И клянусь молотом Тора... я убью всякого, кто посмеет просить с меня виру за эту гадюку!

Никто ему не возразил. Каждый понимал, что за таких подонков далекая семья не станет взыскивать деньги. Слишком страшные преступления лежали на совести этих людей.

– Мы поступим так, как поступили бы на тинге, – принял решение старший Северянин. – И мы не станем ничего скрывать. Пусть всюду станет известно, как мы обходимся с гадюками! Мы поедem на ферму и там совершим суд. Снорри, поезжай вперед, бери плотников, пусть срубят колесо.

Все равно существовала вероятность, что рассвирепевший мясник прикончит врага по дороге. Поэтому бонды пошептались и решили пока связать Магнуса. Навалились впятером и связали. Отец усадил Дага в седло и крепко обнял. Несмотря на жуткую головную боль и кашель, Даг был невероятно горд, когда во главе колонны они вернулись домой. Все видели, что папа брал его с собой в опасное путешествие!

– Даг, что там было? Ты видел оборотней? Это правда, что оборотень бежал прямо по воде? – насели на малыша братья и прочие мальчишки. Они прямо подпрыгивали от возбуждения и зависти.

Разбойников привязали за ноги и руки к жердине и в таком виде, словно убитых кабанчиков, принесли на ферму. Торольд Бешеный рычал и плевался. Его дружок, синеглазый, лысый, помалкивал.

– Это не оборотни, – сделал заявление Даг. – Мой дядя Сверкер попал одному прямо в глаз! У моего дяди волшебные стрелы, вот так!

Особенной завистью дети прониклись, когда Олав Северянин ударил в било и вытащил Дага в семейный круг. Дагу казалось, что он различает всех словно в тумане.

– Я горжусь им, – голос сильного кузнеца задрожал. – Сегодня Даг был единственным, кто вспомнил закон рода, кто вспомнил, что честь семьи важнее страха. Все убежали, когда столкнулись с врагом! Все, кроме самого младшего! Он не побоялся преследовать врагов и выследил их! А мне стыдно, что в нашем доме растут трусы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.